

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАРТ
1999**

**НИСАН
5759**

№ 3 (83)

БЕСЕДЫ О КНИГЕ

Ки тиса: освященные зеркала

«И говорил Б-г, обращаясь к Моше, так: "Сделай медный умывальник на медном основании — для омовения, и помести его между Шатром Откровения и жертвенником, и налей в него воды. И будут омывать из него Аарон и сыновья его руки и ноги свои"». Эти умывальники были сделаны из "крашенных зеркал", медных зеркал, которые использовали женщины, а впоследствии принесли в Храм.

Мидраш повествует: «Презирал их [зеркала] Моше, ибо изготовлены они были для дурного начала (самолюбования, гордыни и т.д.), и сказал ему Б-г: "Прими [эти пожертвования от женщин], потому что люблю Я их [зеркала] больше всего остального — ведь с их помощью создали женщины армию (много детей) в Египте"».

Умывальник, хотя и является принадлежностью Храма, выделен из остальной храмовой утвари, и заповедь о нем отделена от остальных, касающихся других предметов Храма.

Возникает вопрос: в чем же величие умывальника? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к предназначению самого Храма. Благодаря его строительству свершилось удивительное: "...и поселись Я среди вас" — высшая святость поместилась в материальный мир. Из материальных предметов, золота, серебра, меди, евреи сотворили Храм, и осуществилась главная идея создания мира — "сделать Ему, Благословенному, жилье в нижних мирах".

С этой точки зрения умывальник обладает особым преимуществом. Он более, чем что-либо другое, символизирует путь, по которому святость спускается в самые будничные предметы — в "крашенные зеркала", "сделанные для дурного начала". Создав умывальник, евреи освятили низменную вещь, которая отныне стала приносить в мир Б-жественный свет.

Тогда чем объясняется презрение Моше к "крашеным зеркалам"? Дело в том, что он находился на высокой духовной ступени, и для него обычные материальные

предметы являлись достаточно низменными, чтобы можно было использовать их для строительства "жилища в нижних мирах". Он желал поднять на свою ступень весь Израиль.

Но Всевышний объяснил Моше, что Храм должен быть и в самых обыденных вещах, "сделанных для дурного начала". Более того, когда святость привносится на самую низкую ступень, когда из самых будничных предметов создается жилище для

Б-га, - это и есть то, чего Он желает.

История с умывальником призывает нас не отвергать материальные предметы, не считать, что они непригодны для службы Всевышнему, что прошлое нельзя изменить. Подобно тому как священники омывались с помощью "бывших медных зеркал", мы, "смыв" с себя все нежелательное, поднимем прошлое на уровень святости. Именно такая служба угодна Всевышнему.

Ваянгел: искупление греха

В этой главе Тора рассказывает об усердии, которое проявили евреи при строительстве Шатра Откровения. Они жертвовали на строительство даже больше того, что от них требовали. Этот энтузиазм был обусловлен тем, что Шатер рассматривали как искупление греха поклонения золотому тельцу. Грех этот совершил весь народ, и строительство Шатра должно было осуществляться при участии всего народа.

Сотворение золотого тельца — преступление, за которое пришлось расплачиваться евреям во всех поколениях. Как же строительство Шатра могло явиться искуплением такого страшного греха?

Что это, собственно, такое - сотворение тельца? Маймонид говорит, что идолопоклонство не есть полное отрицание Творца. Ведь можно верить в существование дополнительных могущественных сил, не забывая о Хозяине мира. Как утверждает великий ученый, предполагая присутствие в мире какой-нибудь иной сущности, кроме Б-га, человек уже вплотную приближается к идолопоклонству.

Идолопоклонству противостоит вера в единство Творца, в самом глубоком понимании того, что "нет ничего, кроме Него". То есть не только нет ничего, что может править, управлять этим миром, кроме Творца, но и нет ничего, имеющего самостоятельное, "автономное" от Б-га существование. Единственная сущность, присутствующая в мире "сама по себе", - это Б-жественная сущность.

Одно из указаний Торы гласит: "Во всех твоих путях познавай Его". Мало того, что человек связан с Создателем через изучение Торы и исполнение ее заповедей, — "во всех твоих путях познавай Его". Вся наша жизнь, все, что нас окружает, все, с чем мы связаны, есть результат влияния Б-жественности. В каждом своем поступке в любой области, на "всех твоих путях" существует возможность познавать Творца и служить Ему.

Даже обыкновенная прогулка может превратиться в служение Всевышнему. Человек уже не просто восторгается природой — он проникается пониманием того, как "велики чудеса Б-жьи".

Таким образом можно понять, почему строительство Шатра Откровения стало искуплением греха золотого тельца. Именно в Шатре исполнились слова Всевышнего: "И поселюсь среди вас" — Б-жественная святость спустилась вниз, расположившись в материальной сущности мира. Жертвуя свои будничные вещи на строительство Шатра, евреи освящали их, поднимая на самый высокий уровень, доказывая, что существует только Б-г и даже материальные предметы быта предназначены для святости.

Пкудей: когда наступает темнота

Эта глава - последняя в книге Торы Шмойс, которую называют еще и Книгой Освобождения, так как в ней описывается Исход евреев из Египта. А заканчивается книга рассказом о строительстве Шатра Откровения и об открытии Б-жественности в нем. В конце главы сообщается: "И когда поднималось облако над Шатром — отправлялись сыны Израиля во все странствия свои..."

Между этими словами и тем, что им предшествует, казалось бы, нет никакой связи. Какое отношение имеет рассказ об облаке к установке Шатра? Кроме того, из этих слов следует, что движение евреев, их приближение к стране Израиля было связано с удалением Б-жественного присутствия: "когда поднималось облако". Почему?

На оба эти вопроса есть общий ответ: цель всего — и строительства Шатра, и вообще Творения — выражена в том, что евреи "отправляются" тогда, когда "поднимается облако". Недостаточно выполнять волю Творца в те моменты, когда Его присутствие очевидно. Принципиально важно подниматься на уровень святости и тогда, когда оно скрыто, когда все выглядит так, будто "облако поднялось".

Мидраш говорит: "Возжелал Всевышний, чтобы было у Него жилище в нижних [мирах]". Но разве для Него существуют понятия "высшее" и "низшее"? В Мидраше сказано "в нижних" - в такой ситуации, когда святость скрыта, когда духовность пребывает на самом низком уровне, следует строить жилище для Б-га. И в этом есть цель создания - чтобы "низкое", где нет открытого Б-жественного присутствия, превратилось в "жилище" для Него.

Когда облако Всевышнего остается внизу и Б-жественность очевидна, открыта для всех, этот мир не является "нижним", в нем не может выполняться цель Творения. Когда же "облако удаляется", сыны Израиля "отправляются в путь".

В этом и есть предназначение Шатра: дать человеку силы для служения Творцу, "когда облако удалилось". Вот почему в конце главы, повествующей о Шатре, речь идет об "удалении облака".

Ваикра: маленькие поступки

Эта глава - первая в одноименной книге Торы, посвященной в основном вопросам жертвоприношения в Шатер и Храм. Со времен разрушения Храма мы больше не приносим жертв, но эта заповедь касается всех последующих поколений.

Жертвенные службы ежедневно начинались и заканчивались корбан томид — "постоянной жертвой". Это была самая маленькая, "дешевая" коллективная жертва — одна овца, немного жира, мука и соль. Раз в год все граждане страны вносили символическую сумму, и на эти деньги весь год осуществлялось приношение жертвы. Считалось, что она обеспечивает благословение каждому в отдельности в течение всего года.

Из этого следует, что от человека вовсе не требуется, чтобы он отдавал все, что у него есть, в Храм, но то, что он дает, должно исходить от чистого сердца. Важно не сколько принесено — было бы оно принесено с радостью.

Жертву приносили два раза в день: рано утром, перед всеми остальными жертвами, и вечером, после всех других. При этом, как уже было сказано, она называется "постоянной". Наши мудрецы объясняют это тем, что ее влияние распространялось на всю службу.

Наша жизнь складывается из бытовых проблем, требующих решения, будничных забот, не всегда в ней можно ощутить Б-жественную святость. Более того, человеческая природа, разум могут помешать духовному восприятию, заставить свернуть с верной дороги, поступать вопреки воле Всевышнего.

Поэтому в начале каждого дня, еще до того как человек успел войти в будничную жизнь, он должен принести "постоянную жертву". Еврейский закон предлагает нам, как только мы открываем глаза, произнести: "Благодарю Тебя, Владыка живой и вечный, за то, что Ты, по милости Своей, возвратил мне душу мою, велика моя вера в Тебя". Этой молитвой мы признаем власть Хозяина мира, необходимость выполнять Его волю.

Это и есть наша "постоянная жертва" - несколько слов, оказывающих влияние на весь день, на все дела и поступки человека в наступившем дне.

Цав: связь с Б-жественностью

Три слова в Торе предваряют волю Всевышнего, которую Он передает евреям через Моше: "Скажи", "Говори" и "Прикажи". Глава "Цав" — "Прикажи" начинается со слов "Прикажи Аарону". Раши приводит слова мудрецов: «Всегда, где говорится "цав", — указывается на (необходимость) особого усердия отныне и навсегда».

Из всех трех слов именно "цав" ближе всего по смыслу к однокоренному с ним слову "мицва". Отсюда мы видим, что именно в такой воле Всевышнего особенно подчеркивается идея мицвы.

Хасидизм объясняет, что слово "мицва" следует объединять и с однокоренным ему словом "цавта" - "связь": исполняя заповедь, человек связывается с Б-гом, давшим ему эту заповедь. Такая связь возможна только благодаря мицве. Между ограниченным физическими рамками человеком и бесконечной Б-жественностью, казалось бы, невозможен какой-либо контакт. И только потому, что Всевышний желает осуществлять связь с человеком, Он дал ему заповеди, потенциальную возможность такой связи.

Наиболее ясно эта связь проявляется в заповедях, которые начинаются словом "цав". В этих случаях человек исполняет заповеди потому, что они — приказ Всевышнего. В других случаях это не так очевидно, и человеку как бы предоставлен выбор выполнять или не выполнять ту или иную заповедь. Слово же "цав" подчеркивает, что со Своей стороны Всевышний уже осуществил "цавта", связь с человеком.

Конечно, у человека всегда есть свобода выбора, и приказы Всевышнего он может нарушить. Но и тогда связь, установленная с Всевышним, всегда остается в душе человека.

"ГЛАВА О МЕСЯЦЕ"

Еврейские мудрецы постановили, что в субботу, предшествующую началу месяца Нисан, равно как и в случае, если она приходится на первое число месяца, когда благословляется его наступление, в синагогах, помимо недельной главы Торы, читают еще и Парашас Аходеш, "Главу о месяце" — отрывок из недельной главы Бо (Шмойс, 12).

Если суббота, в которую благословляется наступление Нисана, не совпадает с началом месяца, семь человек читают недельную главу, а мафтир — "Главу о месяце". Когда эта суббота приходится непосредственно на первое Нисана, из Арон Акодеш достают три свитка Торы. Недельную главу читают шесть человек. По окончании чтения Кадиш не произносят — ведь Тору еще не читали семь человек, как того требует традиция. Седьмой человек читает по второму свитку отрывок из главы Пинхас, посвященный жертвам новомесячья (как и во все другие месяцы), затем произносят Кадиш. По третьему свитку мафтир читает "Главу о месяце".

Дополняет чтение глава из "Пророков" Афтары - 45-я и 46-я главы из книги пророка Йехезкеля. В этих главах рассказывается об обычаях и жертвоприношениях нового месяца, с первого его дня, о жертвах, приносимых народом Израиля, о правах и обязанностях Наси — царя Израиля, о том, каким образом он входит в Иерусалимский Храм и выходит из него.

Обычаи, связанные с чтением Афтары, у сефардских и ашкеназских евреев различны. Сефарды начинают чтение со слов "Так сказал Г-сподь Б-г: в первый день первого месяца..." и завершают его словами "Утро за утром - постоянное всеожжение...". Ашкенази добавляют два предложения в начале и три в конце отрывка, поскольку в начале речь идет о почете, который народ Израиля обязан оказывать своему Наси ("Весь народ страны должен давать это приношение Наси Израиля", а в конце - о правах народа, которые Наси обязан оберегать ("И не возьмет Наси из надела народа, лишая его наследия, из собственного владения даст он надел своим сыновьям, чтобы никто из Моего народа не был изгнан из своего владения").

Существует также обычай добавлять к этой Афтаре первое и последнее предложения обычной Афтары новомесячья ("Так сказал Г-сподь: Небеса — Мой престол", когда суббота, в которую ее читают, приходится на первое Нисана, или же первое и последнее предложения Афтары "Завтра начало месяца" — если эта суббота приходится на день, предшествующий новомесячью.

Принято не доверять чтение Афтары "Глава о месяце" ребенку, не достигшему 13 лет.

"Главу о месяце" всегда читают в субботу, следующую за той, в которую читают Парашат Пара (главу, посвященную Пара адума - "Красной телице"). Между ними никогда не выпадает "пустая" суббота. В Иерусалимском Талмуде приводится намек-объяснение на это правило: «Галоха предписывает выпивать в ходе пасхального Сейдера четыре бокала вина; тот, кто хочет выпить дополнительное количество вина между первым и вторым или вторым и третьим бокалами, может это сделать. Пить вино между третьим и четвертым бокалами запрещено. Точно так же Галоха не оставляет "лишней" субботы между чтениями "Главы Пара" и "Главы о месяце", ведь "Глава Пара"

- третья, а "Глава о месяце" — четвертая и последняя из специальных тематических глав, читаемых в это время года в синагогах».

Публичное оглашение

Особое значение месяца Нисан, объявленного Торой "главой" и "царем" месяцев года, стало причиной того, что суббота, приходящаяся на его новомесячье или предшествующая ей, отличается от остальных суббот, даже если они также приходятся на новомесячье. Существует заповедь освящать Нисан больше, чем все другие месяцы года. Поэтому о наступлении месяца объявляется в синагогах в субботу, когда евреи собираются вместе для молитвы. Это дополнительное освящение заключается в чтении Торы по трем свиткам и чтении особой Афтары.

Необходимо иметь в виду, что чтение "Главы о месяце" в синагоге не заменяет освящения месяца, которое может совершить только бейс-дин после опроса свидетелей, видевших молодой месяц. Это дополнительное субботнее освящение, смысл которого заключается в публичном оглашении, совершается только в начале Нисана. Оно напоминает нам о приближении праздника Пейсах и необходимости готовиться к исполнению заповеди праздничного паломничества в Иерусалим. Исполнение этой заповеди более ответственно в Пейсах, чем в Суккос и Швуэс, поскольку во времена Храма паломники приносили в Пейсах особую пасхальную жертву. Необходимо помнить, что ошибка, допущенная при совершении этого жертвоприношения, может повлечь за собой корес — смертную казнь, устанавливаемую Небесным судом. К тому же тот, кто не смог совершить персональные жертвоприношения в Суккос и Швуэс, имеет возможность восполнить упущенное, в Пейсах же такой возможности нет.

Рассказы еврейских мудрецов, связанные с "Главой о месяце"

Написано в "Главе о месяце": «И сказал Б-г, обращаясь к Моше и Аарону в стране египетской, так: "Месяц этот для вас - начало месяцев, первый он у вас из месяцев года"» (Шмойс, 12:1-3).

Наши мудрецы спрашивают: «Почему сказано "в стране египетской", а не просто "в Египте"?».

Рабби Ханина объясняет: «Всевышний предписал нам в Торе: "Если ты ссужаешь ближнего твоего чем-нибудь, то не входи в дом его, чтобы взять у него залог. На улице постой, а человек, которого ты ссужаешь, пусть вынесет тебе залог на улицу" (Дворим, 24:10,11). Точно так же поступил Он сам — обратился из "страны египетской", но не из [центра] Египта, [где сидел фараон, царь Египта]».

Из этого мы узнаем, что евреи были отданы египтянам в качестве залога, пока не будет взыскана "плата" (или наказание), наложенная на евреев Всевышним, когда Он заключал союз с Авраамом: "Пришельцами будут потомки твои в чужой земле, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет". Как только истек отведенный срок и было исполнено закрепленное в договоре обязательство, сразу же пришел настоящий Хозяин и потребовал свой залог — еврейский народ. Согласно законам Торы Он не вошел в дом фараона, а предъявил свои требования снаружи. Но фараон отказался исполнить свои обязательства, тогда Всевышний "вошел" в Египет и применил силу, чтобы заставить египтян отпустить еврейский народ.

Существует и другой ответ на вопрос, почему в Торе сказано "в стране египетской", а не просто "в Египте". Эти слова подчеркивают любовь Всевышнего к народу Израиля.

Говорит рабби Шимон: «Велика любовь Всевышнего к народу Израиля. Ибо отправился Всевышний в места, где царствовали идолопоклонство, мерзость и нечистота, чтобы освободить Израиль. Это можно сравнить с решением проблемы, стоящей перед козном, чья трума, принадлежащая ему часть урожая, случайно оказалась на кладбище. Кладбище — это источник ритуальной нечистоты, и священнику запрещается ступать на него, как и оскверняться иным образом. Но и трума не должна находиться в таком месте. Что же делать? Священник принимает решение войти на кладбище и забрать труму. Ведь даже соприкоснувшись с нечистотой, он может затем очиститься, тогда как без него трума останется на кладбище навеки. Всевышний решил войти в нечистый Египет, чтобы спасти свою труму — народ Израиля. После того как евреи были выведены Им из Египта, Он (подобно еврею, который, соприкоснувшись с ритуальной нечистотой, попросил бы священника очистить его) обратился к первосвященнику Аарону со словами: "И искупит святилище..." (Ваикра, 16:33)».

Сказанное в Торе: "Месяц этот для вас..." следует понимать как "переданный вам".

Рабби Иеошуа бен Леви говорит: «Представим себе царя, у которого были драгоценные часы, по которым он определял время. Когда сын царя вырос, отец отдал ему эти часы. Так и Всевышний сказал народу Израиля: "До сего дня Я рассчитывал годы и месяцы, отныне это будет ваша задача"».

О том же гласит псалм: "Многое сделал Ты, Г-сподь Б-г мой, чудеса и помыслы Твои — к нам". Рабби Симон поясняет: «Слова "помыслы Твои" следует понимать как "вычисления Твои". В течение 2448 первых лет Творения, до выхода Израиля из Египта, Всевышний осуществлял все вычисления и объявлял о начале лет и месяцев. Но когда Израиль вышел из Египта, Он передал им эту обязанность: "И сказал Г-сподь Моше и Аарону в стране египетской, говоря..." Для чего здесь стоит [как бы ненужное] слово "говоря"? Чтобы подчеркнуть: отныне "этот месяц — в вашем распоряжении"».

Наши мудрецы комментируют слова Песни Песней "Голос возлюбленного моего! Вот он идет! Скачет он по горам, прыгает по холмам". Рабби Иегуда объясняет: «Слова "Голос возлюбленного моего" относятся к Моше. После того как Моше сообщил евреям: "В этом месяце вы обретете свободу", они возразили: "Как можем мы освободиться в этом месяце, ведь Всевышний сказал нашему отцу Аврааму: "И поработят их, и будут угнетать их четыреста лет", а нашему рабству всего двести десять лет?" Но Моше ответил: "Всевышний решил освободить вас и пренебрег расчетами. Он "скачет по горам" — отбрасывает в стороны расчеты месяцев и лет, вот почему в этом месяце вы обретете свободу"».

Месяц освобождения

Освобождение — это исход из мрака к свету. Тот, кто не отведал порабощения, не способен полностью воспринять освобождение. Суть свободы органически связана с понятием рабства. Если бы евреи не были порабощены, они никогда не удостоились бы вечной свободы; порабощение естественно привело к освобождению. Так из мрака вырывается луч света — и ниоткуда больше. Наши

мудрецы сказали: «Еврейский народ обратился к Всевышнему с вопросом: "Властелин мира! Когда Ты освободишь нас?" И Всевышний ответил: "Когда вы опуститесь на последнюю ступень, Я освобожу вас"».

Когда появился на свет Ицхак, окружающие считали, что он рожден для рабства. Ведь Всевышний сказал Аврааму: "Пришельцами будут твои потомки". Тем не менее Ицхак стал отцом свободного народа. История жизни Ицхака включает Акеду — "связывание", когда Авраам привязал его к жертвеннику. Казалось, потомство Авраама обречено на гибель, однако Акета стала залогом благополучия потомков Ицхака, подвигом, за который они были одарены вечной жизнью. Облачившись в одежду Эсава, Яков вошел в шатер Ицхака, чтобы получить его благословение. Объятый страхом, он говорил себе: "Я буду в его глазах обманщиком и наведу на себя проклятие, а не благословение" — и вышел из шатра, получив бесценное благословение для себя и своих потомков на вечные времена. Точно так же все прочие беды и несчастья, выпадавшие на долю потомков Якова во всех поколениях, оборачивались в конце концов спасением, светом, который становился тем ярче, чем более глубоким был мрак, в который они вначале погружались. Это относится и к грядущему освобождению, вырывающемуся, как луч света из глубокого мрака, в час, когда окончательно исчезает надежда, — именно тогда Всевышний озаряет нас своим светом. Когда же это происходит? В месяце Нисане, который с начала времен был отведен Всевышним для освобождения еврейского народа во всех поколениях. Все несчастья, выпадающие Израилю в этом месяце, неизбежно оказываются лишь началом, первым актом освобождения, и именно так учили мудрецы в Мидраше.

"Месяц этот для вас" — сказано в Торе. А в Тегилим говорится: "Решение Г-спода устоит вовек... Счастлив народ, что Г-сподь — Б-г его". Это значит, когда Всевышний создал мир, Он установил порядок месяцев и лет — "Решение Г-спода устоит вовек". А избрав Якова и его сыновей, Он постановил, что начало Нисана станет началом месяца освобождения, в котором еврейский народ выйдет из египетского рабства. В этом же месяце ждет его и окончательное освобождение. Ведь именно в нем родился Ицхак и произошла Акета, именно в нем Яков получил отцовское благословение, и именно на него намекает Всевышний, говоря об освобождении: "...первый он у вас из месяцев года".

Первый из месяцев

Итак, как сказано в Торе, "Месяц этот для вас — начало месяцев". Из этого следует, что все остальные месяцы должны отсчитываться от Нисана. День освобождения — событие более важное, чем любое другое, в том числе день рождения. До того как еврейский народ вышел из египетского рабства, время отсчитывали от Сотворения мира, от момента его обновления после Потопа в дни Ноаха (так, например, в Торе сказано: "...Шем, ста лет от роду, родил Арпахшада, через два года после Потопа" — Брейшис, 11:10), от рождения Авраама, от дня, когда Всевышний заключил с ним союз — брис бейн а-бесорим (например, "...по истечении четырехсот тридцати лет, в тот самый день..." - Шмойс, 12:41). Но после того как евреи вышли из Египта свободным народом, они стали отсчитывать время от дня освобождения. Об этом и говорят слова Торы "Месяц этот для вас — начало месяцев".

Объясняя перемену системы отсчета, мудрецы рассказывают притчу о царе. Когда у него родился сын, он объявил день его рождения ежегодным праздником. Но затем этот сын попал в плен к врагам и провел у них много лет. День, когда он наконец освободился, царь объявил новым великим праздником. Так, до своего прихода в Египет,

евреи отсчитывали время от дня заключения брис бейн а-бесорим, когда было predetermined, что рабство будет продолжаться четыреста лет. После того как они пришли в Египет, были поработаны, стали свидетелями чудес, совершенных для них Всевышним, и вышли на свободу, точка отсчета стала иной.

Сказанное в Торе "Первый он [месяц Нисан] у вас" следует понимать "для вашей пользы". Если этот месяц хорош сам по себе, он будет хорош и для вас. И даже если он сам по себе окажется нехорош, для вас он будет хорош. Так или иначе, в любом случае, "первый он у вас" - "для вашей пользы".

"Первым" назван Всевышний в Писании: "Я - первый и Я - последний, и кроме Меня - нет Б-га".

Цион, Храмовая гора, также назван "первым": "Престол величия возвышен над первым, место святилища нашего".

Первым названы и Эсав, о котором сказано: "И вышел первый" (Брейшис, 25,25), и Мошиах, о котором сказано: «Первый возвестит Циону: "Вот, вот они"».

Это значит, что Всевышний, который назван "Первым", построит Храм, который назван "первым", накажет Эсава, названного "первым", и приведет Мошиаха, также названного "первым". Произойдет это в Нисане, первом месяце, про который в Торе сказано: "Месяц этот для вас - начало месяцев, первый он у вас из месяцев года".

Год и месяц

Слово "год" происходит от того же корня, что и слова "древний", "сон". Все, что относится к году, установлено еще в первые шесть дней Сотворения мира, соотносится с законами природы, которые установлены Всевышним в начале Творения и не могут меняться.

Слово "месяц" родственно слову "обновление", и то, что относится к месяцу, постоянно обновляется. Месяц связан с чудесами - сверхъестественными явлениями, выходящими за рамки законов природы. Всевышний совершает их время от времени по Своему желанию, показывая тем самым, что Он, и только Он, - Властелин мира.

Израиль и другие народы

Образ жизни всех народов мира определен календарным годом. Он не знает иного обновления, чем то, которое установлено от Сотворения мира. С этого момента жизнь людей подчиняется законам природы, и они не могут выйти за их рамки. Еврейский народ находится в особом положении. Ради него Всевышний изменил законы природы и тем самым проложил для Израиля другой путь и другой жизненный порядок. При помощи явных чудес Он освободил евреев из Египта, "исторг один народ из недр другого знаками и чудесами, войной и сильной рукой, простертой дланью, великими потрясениями и раскрытием Своего присутствия".

Этот путь, путь чудес, Он оставил в распоряжении Израиля и на будущее, для всех последующих поколений. Поэтому у всех остальных народов есть только один Новый год, — первого Тишрея, в день, напоминающий о Сотворении мира. Именно в этот день они подвергаются Суду Всевышнего и решается их судьба. У Израиля же в году несколько дней Рош а-Шона. Это начала месяцев и, прежде всего, первого и

важнейшего из них — Нисана. Каждый месяц Израиль ожидает прибавления сил как естественным, так и сверхъестественным путем. В Нисане эти ожидания особенно велики: еврейский народ ждет открытого проявления Шехины — Б-жественного присутствия и полного обновления. Поэтому и сказано в Торе: "Месяц этот для вас" — путь обновления и управления миром предназначен только для вас, месяц Нисан — это точка, с которой начинается сверхъестественное управление Творением.

"Первый" - основной и важнейший

Законы природы распространяются и на Израиль, естественный путь открыт перед ним точно так же, как и перед другими народами, он может преуспеть на этом пути даже больше, чем другие народы. Но необходимо помнить, что у него есть и путь чудес, сверхъестественных явлений, и этот путь является для него основным и важнейшим. Сказанное в Торе "Первый он у вас из месяцев года" означает, что "сверхъестественный путь", олицетворяемый "месяцем", является более важным, чем естественный путь, олицетворяемый "годом", и предшествует ему.

Сверхъестественное происхождение является главным источником успехов еврейского народа во все времена. Евреи побеждают своих врагов при помощи чуда, когда Всевышний открывается им. Поэтому в день Синайского откровения Он сказал: "Я - Б-г, Всесильный твой, который вывел тебя из страны египетской..." (Шмойс, 20:2), а не "...который сотворил тебя и вывел из страны египетской". Всевышний упомянул главное и опустил второстепенное.

По еще одной интерпретации слов Торы "Первый он у вас из месяцев года", Всевышний сказал Израилю: «Мне недостаточно того, чтобы вы прославляли Мое имя лишь тогда, когда Я совершаю для вас чудеса. Вы должны прославлять и возвышать его не только тогда, когда речь идет о "месяце" (то есть о чуде), но и когда речь идет о "годе" (то есть о законах природы). Вы должны показать всему миру, что и тут возможно обновление и не следует воспринимать как само собой разумеющееся то, что относится к естественному ходу событий». Об этом и говорят слова: "Первый он у вас..." - Из чего? - "из месяцев года", и вы должны раскрыть секрет обновления, сокрытый в самой природе, в "годе".

"Для вас" - "ради вас"

Выводя евреев из Египта, Всевышний изменил систему законов природы, чтобы продемонстрировать Свою мощь и роль Израиля в мире. Свою мощь - чтобы все поняли: Он — всемогущий Творец, создающий и изменяющий мир по Своей воле. Роль Израиля — чтобы все знали: мир был создан только ради него. Когда Творец решил продемонстрировать Свою мощь и изменил миропорядок, Он сделал это ради Израиля. Он мог освободить Израиль из Египта, и не прибегая к чудесам, равно как и естественным образом не допустить порабощения евреев египтянами. Однако целью изгнания евреев в Египет была демонстрация мощи Всевышнего как самим евреям, так и всему миру. Народы должны были убедиться в том, что мир и всё в нем полностью подчиняются воле Всевышнего и существуют благодаря ей и исключительно ради избранного Им народа. Если Он захочет, законы природы будут выполняться, если Он изменит Свое решение ради Израиля, мир переменится. Поэтому и сказано: "Месяц этот для вас" - "ради вас", ради вас проложен путь обновления мира, путь чудес и сверхъестественных явлений — чтобы возвысить вас так же, как имя Всевышнего возвышается над миром.

Потенциал обновления — только в Торе

Почему Всевышний изменил весь мир, чтобы спасти Израиль, передал ему способность изменять мир, способность, которой он будет всегда пользоваться? Разве не сказано в Писании: "Нет ничего нового под солнцем"?

Всевышний знал с начала времен, что в будущем Израиль примет Тору и будет следовать ей. Он и наделил еврейский народ этой способностью, ради него и совершаются чудеса. Тора предшествовала Сотворению мира, она выше природы. Под солнцем действительно нет и не может быть ничего нового, однако выше солнца, там, где одна только Тора, находится вечный источник обновления.

Месяц Нисан

Этот месяц имеет три названия: "начало месяцев" или "первый месяц", "весенний месяц" и Нисан.

Тора назвала его первым, так как с него начинается отсчет месяцев в году, и весенним, так как в нем обновляются и расцветают растительный и животный миры. Этот месяц наделяет жизнью и богатством.

"Нисан" — вавилонское название месяца, его евреи принесли из вавилонского плена. Оно связано и с весной: слово "Нисан" того же корня, что ницан — "почка", "бутоны". В Писании сообщается: "Бутоны (ницаним) показались на земле". Наши мудрецы нашли интересное сокращение, скрытое в слове "весна" — авив, "отец двенадцати" месяцев.

Нисану соответствует созвездие Овна, именно "ягненка на каждую семью" евреи приносили в Храм в качестве пасхальной жертвы.

Еще до того как евреи получили заповедь о пасхальном жертвоприношении, многие народы, прежде всего египтяне, связывали этот месяц с созвездием Овна, образованным звездами, восходящими в нем, поскольку Овен — это знак богатства. На языке Торы синонимом Овна является слово Аштерос — "приплод мелкого рогатого скота" (во множественном числе), ассоциирующееся со словом "богатство", — как приплод обогащает своего хозяина, так и месяц Нисан является источником жизни, благословения в течение всего года.

Египтяне, интересами которых были только богатство и физическая сила, обожествили овцу, приносящую приплод именно в этом месяце, и поклонялись ей. Евреи, задачей которых является служение Всевышнему, получили от Него указание зарезать ягненка — идола египтян, своих хозяев, и принести его в жертву Ему, ибо Он — единственный источник богатства и силы, обрести которые можно лишь от Него. Таким образом, и евреи, и египтяне считают созвездие Овна знаком месяца Нисан, но евреи связывают его со служением Всевышнему, а египтяне — с идолопоклонством.

Так и объясняют мудрецы слова Торы: "...купите или возьмите ягнят для семейств ваших и режьте пасхальную жертву!" (Шмойс, 12:21) — откажитесь от

идолопоклонства, зарежьте египетских идолов и принесите пасхальную жертву (Шмойс раба, 16).

Нисан — всегда “полный” (состоящий из 30 дней) месяц, и его Рош Ходеш продолжается один день.

Заповедь считать его первым

Вот что писал об этом Рамбан (рабби Моше бен Нахман): «Слова Торы "Месяц этот для вас — начало месяцев..." следует понимать как указание Израилу считать его первым в году и отсчитывать от него все остальные, вплоть до окончания года на двенадцатом месяце. Все это для того, чтобы сохранить в памяти чудо Исхода из Египта, ибо всякий раз, когда мы упоминаем любой из месяцев года, мы тем самым вспоминаем о великом чуде. Тора дает месяцам не названия, а номера и по номерам их называет, точно так же как она не дает названий дням недели, а отсчитывает их от субботы: "первый от субботы", "второй от субботы" и т.д. Отсчет месяцев года ведется от дня выхода из Египта, а не от начала года, поскольку год начинается с месяца Тишрей, как сказано [о празднике Суккос]: "...праздник сбора урожая при переломе года к зиме" (Шмойс, 34:22) или "праздник сбора урожая в конце года..." (Шмойс, 23:16). Стало быть, когда Тора называет Нисан первым месяцем, а Тишрей — седьмым, она отсчитывает их от дня освобождения».

Согласно одному из существующих мнений, те, кто ставит на расписках или иных документах нееврейские даты, в которых месяцы отсчитываются не от Нисана, поступают неправильно. Поскольку Тора называет первым месяцем Нисан, нет и не может быть другого первого месяца, и отсчет следует вести от него. Однако в случае необходимости можно пользоваться названиями нееврейских месяцев — январь, февраль и т.д.

"Дни перерыва"

В Нисан не устраивают постов, исключение составляют 1-е, 10-е, 20-е и 26-е числа — дни "поста праведников". Кроме того, 14-го Нисана, в канун праздника Пейсах, по обычаю постятся все первенцы. Жених и невеста постятся в день бракосочетания, в любой день, даже в Рош Ходеш. Не отменяется таанис холон — пост, связанный со сном. Но в этом месяце не оплакивают умерших и не читают в молитве фрагмент Цидук а-дин — "Справедливый суд". Не принято поминать души умерших, иначе как в последний день праздника. Из молитв всего месяца исключаются Нефилас апаим — "Падение ниц", Таханун, Ов а-рахамим (из Шахариса в субботу), Цидкосха цедек (из Минхи в субботу), поскольку Нисан одаряет мир особой, дополнительной святостью. Все дни его считаются "днями перерыва".

Таханун, покаянную молитву, не произносят потому, что после завершения строительства Мишкана двенадцать глав колен Израиля в течение двенадцати первых дней Нисана приносили специальные жертвы, и каждый из этих дней был отдельным праздником. Затем наступил канун праздника Пейсах, сам праздник и Йисру хаг — "первый послепраздничный день". Очевидно, что большая часть месяца прошла в атмосфере праздничной святости, которая распространилась на весь месяц.

В трактате Софрим сказано: «Обычай наших учителей, живущих на Западе (в Эрец Исраэль), — поститься три дня в память о посте Мордехая и Эстер, до и после Пурима, в понедельник, четверг и следующий понедельник. Почему они не постятся в

Нисан? Потому, что первого Нисана было закончено строительство Мишкана, затем двенадцать глав колен приносили свои жертвы в течение двенадцати дней, и каждый из этих дней был праздничным. Новый Храм также будет построен в Нисане, в подтверждение того, что "Нет ничего нового под солнцем". Поэтому в Нисан не читают Таханун и не устраивают постов, кроме традиционных — поста первенцев в канун праздника Пейсах и поста в честь мацы, чтобы есть ее во время Сейдера с особым аппетитом».

Благословение цветущих деревьев

Рамбам писал: «Всякий, кто выходит в Нисан в поле или в сад и видит там цветущие деревья с набухающими почками, должен произнести следующее благословение: "Благословен Ты, Г-сподь Б-г наш, Царь Вселенной, за то, что Ты ничего не лишил сей мир, создал в нем прекрасные создания, прекрасные и добрые деревья, дабы люди могли воспользоваться ими"». Мы пользуемся несколько иным текстом благословения, сефардские же евреи придерживаются текста Рамбама, выпуская из него лишь слова "и добрые".

Благословляют только плодовые деревья, к деревьям, не дающим съедобных плодов, благословение не относится. Приурочено оно прежде всего к Нисану, поскольку большинство деревьев цветет в этом месяце. Но если кто-то увидит цветущее плодое дерево в другое время года, он также обязан его благословить. Те же, кто считает, что слова Рамбама нужно понимать буквально, произносят благословение только в Нисане.

Следуя указаниям Галохи, это благословение не произносят в субботу и в праздничные дни. Чтобы произнести его в будни, надо встретить не меньше двух цветущих плодовых дерева, которые уже не орла, то есть им больше трех лет.

Благословение произносят только один раз в год. Остается неясным, должен ли произносить его тот, кто не видел плодовых деревьев, пока на них не появились плоды. Многие авторитеты возражают против этого, ведь для плодов уже установлено собственное благословение, тот, кто видит их впервые, должен произнести Шеэхеюну. Общее правило гласит: если возникает сомнение в законности произнесения благословения, его не произносят.

Благословение солнца

Солнце благословляют только в Нисане и только один раз в 28 лет.

Как сказано в Талмуде, «Наши мудрецы учат: "Тот, кто видит солнце в его периоде, луну в ее величии, звезды на их траекториях и созвездия в их порядке, должен произнести "Благословен Ты... сотворивший мир". Что такое "в его периоде"? Абайя называет "раз в двадцать восемь лет"».

В наше время солнце благословляют "в его периоде", промежутки между благословениями всегда одинаковы и известны. Что касается расчетов, связанных с благословением луны "в ее величии", звезд "на их траекториях" и "порядка созвездий", то они сложны и могут быть произведены лишь специалистами. Поэтому Галоха обязывает благословлять только солнце.

Рамбам пишет: «Тот, кто видит солнце днем в Нисане в начале 28-летнего периода, начинающегося в начале ночи со вторника на среду, утром в среду, произносит... "Благословен Ты, Г-сподь Б-г наш, Царь Вселенной, сотворивший мир"».

Произносят благословение, когда уже виден весь солнечный диск, то есть не в начале восхода солнца, и до трех часов [солнечного] дня. По мнению одних, тот, кто пропустил этот час, может произнести благословение до полудня, другие считают три часа дня временной границей. Тот, кто не произнес благословение вовремя, произносит его в сокращенном виде, не упоминая Всевышнего: "Благословен Ты, сотворивший мир". Женщины не произносят этого благословения.

Солнечный период

Помимо своего ежедневного вращения, солнце совершает на небе сложное движение с периодом в 365 дней и 6 часов. За это время оно совершает полный круг в своем движении с запада на восток — в противоположность ежедневному вращению с востока на запад. Это значит, что в своем ежедневном движении оно все время понемногу отклоняется к северу или к югу и встает сегодня на востоке не в том месте, где вставало вчера. Так оно отклоняется все сильнее изо дня в день, пока не завершает полный круг и не возвращается на старое место через 365 дней и 6 часов. Это и есть солнечный год.

Разделив год на недели, мы получим солнечный год равным 52 неделям, одному дню и 6 часам. Если бы солнце было создано в начале первого, воскресного, дня Творения, оно вернулось бы на то же самое место на небосводе через 52 недели, один день и 6 часов, в понедельник. Это значит, что "солнечный период" (день недели и час начала солнечного года) сдвигается за год на 30 часов - на один полный день и 6 часов второго дня.

Сколько же времени должно пройти, чтобы "солнечный период" повторился, чтобы восход солнца в одной и той же точке горизонта снова пришелся на тот же день недели и час дня, что и в момент Творения? Необходимо, чтобы сумма 30-часовых годовых сдвигов "солнечного периода" была равна 840 часам, что равно 35 дням (5 неделям). Это составляет 28 лет, 1461 полную неделю.

Еврейские ученые древности расходятся в определении месяца, в который был сотворен мир, — в Тишрей или в Нисан. В том, что касается благословения солнца, победило утверждение в пользу Нисана. Главным авторитетом, придерживавшимся такого утверждения, был рабби Иеошуа.

В любом случае, по общему мнению, Всевышний прикрепил созданные Им светила к небосводу в начале среды — четвертого дня Творения, и солнце впервые осветило мир лишь через 12 часов — утром этого дня. Именно этот момент, считает рабби Иеошуа, и стал первым "солнечным периодом" месяца Нисан. Каждые 28 лет солнце оказывается в той же точке небосвода в тот же день недели и час дня — в начале ночи со вторника на среду. Наутро, когда оно восходит так же, как в день, когда было сотворено Всевышним, и произносится указанное благословение.

"Солнечный период" всегда приходится на Нисан, но может выпадать на разные дни месяца — на его начало, середину или конец. Если бы мы потребовали, чтобы он всегда выпадал на первый день месяца, нам пришлось бы ждать каждый раз 541 год. Однако "солнечный период" не терпит ущерба оттого, что выпадает на разные

дни месяца, поскольку отсчет месяцев связан исключительно со сменой фаз луны, тогда как по солнцу мы отсчитываем дни, часы и годы. Следовательно, когда солнце завершает кругооборот, который длится целое число лет, начинается и заканчивается в один и тот же день и час (тот же, что и в начале Творения), завершается полноценный "солнечный период", и мы должны произнести благословение, поблагодарить Творца, сотворившего солнце, как если бы это произошло в этот самый день.

В 5741 году от Сотворения мира (1981-м) завершился 205-й 28-летний "солнечный период". В Нисан этого года мы удостоились возможности благословить солнце. Но если отсчитать 205 раз 28 лет, мы попадем в 5740 год, а не в 5741-й. Почему же мы произнесли благословение только в следующем году? Потому, что, как учат наши мудрецы, в год Потопа светила не двигались по небу, и этот год не взят в расчет.

СЕЙДЕР В ТАШКЕНТЕ

Аאי עיניי אי עיניי אבא

- Менделе, милый, тебе надо уехать, - говорила мать, обнимая десятилетнего сына. - Может быть, немцы действительно убивают евреев, как передает радио.

В белорусском местечке мнения резко разошлись.

- Это ложь, как и все, что передают по радио, - утверждали одни.

- А если это правда? Если немцы в самом деле творят то, о чем сообщает радио? Если мы останемся здесь, то все погибнем!

- Да не верьте этому! В прошлой войне, до 1917 года, немцы хорошо относились к евреям. Некоторые даже понимали идиш. Это просто советская пропаганда. Вранье от начала до конца. Немцы не убивают евреев...

Многих это убеждало, и они остались. Другие предпочли не рисковать.

Родители Менделе хотели бы бежать, но отец его был серьезно болен, и мать решила, что останется с мужем, будь что будет. А сына Менделе нужно спасти.

Узнав, что сосед Лейб уезжает в Москву, мать попросила его взять с собой Менделе. Лейб, грустно покачивая головой, согласился отвезти мальчика к дедушке и бабушке, жившим там (если удастся).

Родители со слезами на глазах расцеловали сына на прощание. Мать поплотнее завязала ему шарф на шее и дала в руки мешочек с едой. Менделе гадал, увидит ли он снова когда-нибудь своих родителей, и сердце у него ныло.

- Менделе, - ласково заговорил отец, - когда Баал-Шем-Тов был маленьким мальчиком, отец благословил его, сказав: "Помни, что с тобой всегда Б-г, и никого не бойся, кроме Него". И люби всей душой каждого еврея.

Менделе никогда не представлял себе, что бывают такие большие города, как Москва. Ни полей, ни лесов, ни деревенских животных. Так много высоких домов из кирпича и камня, такие широкие улицы с тысячами прохожих и трамваями! Все это поразило его.

Но скоро он понял, что остался один в этом большом городе, один на белом свете. Когда Лейб привел его туда, где жили бабушка с дедушкой, выяснилось, что их нет там уже больше года. Соседи, казалось, даже боялись говорить о них.

Понадобилось немало времени, чтобы узнать правду. Реб Берл, дедушка Менделе, был меламедом, учителем еврейских детей. Это занятие считалось в России незаконным, и он приходил к своим ученикам поздно вечером или на рассвете. Тем не менее "тайной полиции" каким-то образом стало известно о "преступной деятельности" меламеда. Ночью раздался угрожающий стук в дверь: его пришли арестовать как опасного "контрреволюционера". Поскольку на стук никто не отвечал, дверь взломали, но никого за ней не было, "птичка" улетела.

Реб Берл исчез, а радио объявило, что немцы приближаются к Москве.

К счастью, Лейб не бросил своего юного соседа. Вместе они осторожно навели справки и узнали, что многие евреи бежали в глубь Средней Азии, в Самарканд, Ташкент и другие города, далекие от фронта. Лейб понял, что и ему с Менделе следует отправиться туда же.

- Только там мы можем найти твоих дедушку и бабушку, Менделе, - сказал он, когда оба сели в поезд, идущий в Ташкент.

Они ехали долго, так что у Менделе было достаточно времени присмотреться к пассажирам. Поезд был переполнен людьми всякого рода — казахами, узбеками, таджиками, смуглыми с широкими скулами, языка которых Менделе не понимал. В поезде было также немало русских, государственных чиновников, солидных и неприветливых. С посторонними они не общались и всем своим видом показывали, что требуют огромного уважения к себе. Были среди пассажиров люди, похожие на евреев, и Менделе подумал, что бегут они, может быть, как и он с Лейбом, из Белоруссии. Казалось, все они счастливы, что выбрались из бездны. Радио уже давно передавало леденящие кровь сообщения о специальных отрядах нацистов, которые угоняют евреев в леса и там хладнокровно убивают.

Менделе предпочитал не думать об этом. Изучая своих спутников, он обратил внимание на одного мужчину, повязавшего лицо шарфом, как если бы у него болели

зубы. Менделе понял хитрость: еврей-хасиды его родного местечка часто скрывали таким образом свои бороды.

- Лейб, вы не думаете, что этот человек с шарфом...

Лейб, строго взглянув на него, зашикал. Менделе уже хорошо знал, что надо взвешивать каждое слово, особенно в присутствии чужих людей.

Ташкент был совсем непохож на Москву. Здесь было несколько прекрасных древних зданий, основную же часть города составляли грубые лачуги из досок.

Когда поезд подошел к вокзалу, Менделе увидел множество людей в национальных костюмах, женщин в чадрах, закрывавших лица до глаз.

- Лейб, посмотрите! - воскликнул он вдруг.

На перроне стояли два еврей-хасида, нисколько не пытавшиеся скрыть свои длинные бороды. Менделе никогда не видел своего дедушку, но один из этих евреев напомнил ему старика с большого портрета, висевшего у него дома на стене.

- Нет, этого не может быть, - подумал мальчик.

Эти двое радостно приветствовали тех самых пассажиров, которых Менделе принял в поезде за евреев.

- Здесь есть еще еврей? - услышал Менделе.

Пассажиры из поезда указали на Лейба и Менделе.

- Шолом алейхем! - радостно приветствовали их хасиды, протягивая руки Лейбу и его другу. — Чем вам помочь? Откуда вы едете?

Лейб поблагодарил их и сказал:

- Признаться, мы кое-кого ищем, но не знаем даже, с чего начать. Зовут этого человека Берл Зискинд, он из Москвы. Вы слышали о нем что-нибудь?

Тот из двух встречавших поезд, который казался постарше, побледнел и ответил:

- Слышали. Зачем он вам нужен?

- Это его внук. Я вез его из дому до Москвы и привез вот сюда.

- Менделе! — воскликнул еврей постарше и, рыдая, обнял своего внука. - Мне говорили, что немцы уничтожили всех евреев в местечке. Неужели ты жив?

Впервые за много месяцев Менделе почувствовал, что у него есть дом. Пусть это была жалкая лачуга, как и многие другие в городе, это по крайней мере было ЕГО жилище. Бабушка изливала всю свою любовь на своего драгоценного внука. Дедушка, всю жизнь учивший детей Торе, проводил с ним все время, открывая ему тайны Мишны и Геморы.

- Теперь ты будешь учиться в моем хедере, - ласково сказал реб Берл.

В родном местечке Менделе был единственным мальчиком, получившим основы еврейского образования. Родители, рискуя жизнью, учили его ежедневно читать по Сидуру молитвы, а потом кое-что из Торы с комментариями Раши. Но когда отец заболел, занятия Менделе Торой прекратились.

Оказавшись в Ташкенте, реб Берл, у которого была душа меламеда, задался целью собрать группу мальчиков, чтобы учить их Торе. Ташкент явился тихой гаванью для бежавших от немцев, рынок здесь был полон еды по вполне доступным ценам. Со временем все изменилось. Еды стало мало, и она сильно подорожала. Вскоре люди стали умирать с голоду. Реб Берлу нужны были средства, чтобы накормить своих учеников. Ему удалось привлечь к своей деятельности одного ученого друга, который стал помогать ему в работе.

Однажды реб Берл привел домой маленького мальчика с очень грустными глазами.

- Янкеле теперь будет жить у нас, Менделе, будет тебе братом, - сказал дедушка.

Янкеле, как и Менделе, был сиротой. Отца его еще до войны арестовали власти за то, что он был религиозным евреем. Мать Янкеле бежала с сыном от немцев в Ташкент, здесь она голодала, отдавала все съестное, что могла достать, ему. Наступил день, когда она оказалась жертвой тифа. Мать умерла, и Янкеле остался один.

Менделе знал, что такое быть сиротой, и заботился о Янкеле, как о родном брате, как заботилась о нем самом его мать. Янкеле отвечал Менделе своей дружбой.

Приближался праздник Пейсах. С каждым днем реб Берл все больше тревожился. Цены на продукты взлетели до небес. Муку мало кто мог себе позволить купить. Где же взять мацу хотя бы для Сейдера? Что до остальных пасхальных дней, то можно будет считать себя счастливым, если хватит на это время картошки.

За несколько дней до праздника реб Берл пришел домой очень довольный.

— Что произошло, Берл? — спросила его жена, которая давно не видела мужа таким сияющим.

Он объяснил, что хасид из другого города привез пару килограммов муки для мацы, которой будет достаточно для нескольких семей на оба вечера Сейдера.

Жена в свою очередь приготовила сюрприз мужу:

- Посмотри, что у меня для тебя, - в руке у нее была бутылочка. - Вино! Пасхальное вино. Надеюсь, получится четыре бокала к Сейдеру.

Реб Берл не находил слов:

- Но... но... откуда? Как ты его раздобыла?

- Я хранила его с прошлого года, - гордо заявила она. - Я предвидела, что в этом году достать его будет невозможно.

- Все, что требуется нам теперь, - это немного хрена для морора, - сказал реб Берл. - Вряд ли мы его найдем, но давайте все-таки поищем.

Менделе и Янкеле отправились с ним на узбекский базар. Реб Берл понимал, что скорее всего ничего доступного по цене там не окажется, но хотел, чтобы мальчики знали, какие продукты нужны для Сейдера.

Медленно пробираясь по переполненному базару, Менделе и Янкеле надеялись все-таки найти хоть одно из пяти горьких растений, пригодных в качестве морора. Но становилось все более ясным, что придется уйти ни с чем.

Вдруг реб Берл увидел недалеко от того места, где они находились, русского офицера очень высокого роста, внимательно разглядывавшего его и мальчиков.

- Нам лучше пойти домой, - сказал он ребятам, схватил их за руки и поспешно повел через толпу.

Реб Берл не нервничал так со времени бегства из Москвы. Сердце у него прыгало в груди от страха. Оглянувшись, он увидел, что офицер продолжает идти за ними. Ошибки быть не могло: он преследует их. Старик уже бежал с детьми по улицам, они свернули в боковую улочку, затем в другую, в третью, пока не удалось оторваться от внушавшего страх властного преследователя. Убедившись наконец, что никто за ними не гонится, они осторожно пошли домой.

И вот наступил первый вечер Сейдера. В честь праздника маленькую лачужку выскребли тщательней, чем когда-либо. Каждая щель была старательно вычищена и проверена, нет ли там хомеца. Маленький стол был накрыт старой скатертью, сверкавшей белизной в мягком свете праздничных свечей.

Реб Берл торжественно произнес Кидуш и сел, чтобы выпить первый бокал вина. После мытья рук все съели карпас — вареную картошку, обмакнув ее в соленую воду. Затем реб Берл переломил мацу пополам, отложив большой кусок для Афикомана, который съедают в конце трапезы.

И тут раздался стук в дверь. Все замерли. Реб Берл взглянул на жену, потом на детей. Их лица были искажены ужасом. Стараясь успокоить их веселым словом, он сказал:

- Самое время для пасхального гостя.

Он попытался улыбнуться и пошел к двери. Открыв ее, он побледнел. Улыбка исчезла с его губ. В дверях стоял тот самый русский офицер, что следовал за ними на базаре! Несколько секунд он разглядывал сцену перед собой и наконец прервал молчание:

- Вы евреи. Я вижу, вы празднуете Пейсах.

Все со страхом смотрели на него.

- Я тоже еврей, - продолжал гость по-русски. - Простите, что нарушил ваш праздник. Я больше тридцати лет не был на Сейдере, с тех пор как мне исполнилось десять лет в доме моего зейде. Я видел вас несколько дней назад на базаре. Уверен, что и вы меня видели. Вы чем-то напомнили мне моего зейду, может быть, седой бородой. Я не знал, что в нашей стране еще остались такие евреи, как вы. Хотел поговорить с вами, но потерял вас в толпе. С тех пор я не могу ночью заснуть. Стоит мне забыться, и ко мне приходит мой дедушка и говорит: "Велвл, помни, что ты еврей. Не забывай Пейсах, который ты праздновал в моем доме..." Вот почему я здесь.

Когда он закончил, все увидели, что по его щекам текут слезы. Реб Берл тоже плакал. Он шагнул к "комиссару", обнял его и сказал:

- Входите, садитесь, вы пришли как раз вовремя.

Гость сел рядом с мальчиками, а реб Берл прочел бессмертные слова Агоды:

- Кто бы ни был голоден, пусть придет и поест; кто бы ни нуждался, пусть придет и отпразднует Пейсах с нами. В этом году мы здесь, в следующем будем в стране Израиля. В этом году мы рабы, в следующем будем свободны...

Все сидели, переполненные чувствами. Справляя Сейдер в далекой стране, они объявляли:

В будущем году - в Иерусалиме!

ПАСХАЛЬНЫЙ ГОСТЬ

Ofēi - Aēāōāi

- Реб Иойна, у меня для вас есть пасхальный гость. С тех пор как вы приобрели дом, такого гостя у вас еще не было.

- Кто он такой?

- Настоящий "восточный цитрон".

- Что это значит?

- Это значит, что он блестящий еврей, выдающаяся личность. Единственное, что плохо, - он не говорит на нашем языке.

- На каком же языке он говорит?

- На иврите.

- Он приехал из Иерусалима?

- Откуда он приехал, я точно не знаю, но его речь полна буквы "айн".

Такой разговор состоялся за день до праздника Пейсах между моим отцом и синагогальным служкой, шамесом, и я сгорал от нетерпения увидеть гостя, который не понимает идиша и употребляет в своей речи множество букв "айн". В синагоге я уже видел какого-то незнакомого человека странного вида, одетого в меховую шапку и турецкий халат с сине-красно-желтыми полосами. Мы, мальчишки, столпились поблизости от него и с изумлением его разглядывали. Но появился шамес и разогнал всех, с раздражением пояснив, что нельзя лезть в душу к незнакомому человеку. Присутствовавшие в синагоге приветствовали этого человека и желали ему счастливого праздника.

А он сидел с приятной улыбкой, розовощекий, с седой бородой, и отвечал каждому, кто приветствовал его: "Шалом!", "Шалом!" вместо нашего "Шолом!"

Слова "Шалом! Шалом!" вызывали у мальчишек хохот, который очень раздражал шамеса, и он щедро награждал нас подзатыльниками. Мы увертывались, как могли, и снова подкрадывались к незнакомцу сзади, слушали, как он произносил "Шалом! Шалом!", и опять громко смеялись.

Меня распирало от гордости, когда я шел домой за отцом и "гостем", все мои друзья завидовали мне. Они смотрели нам вслед, а я то и дело оборачивался и показывал им язык. Шли мы молча. Дома отец поздравил маму с праздником, желал ей счастливо его провести. Гость кивал головой, и меховая шапка тряслась на ней. Он говорил маме "Шалом! Шалом!" Я прятал голову под стол и прыскал от смеха.

Внешний вид гостя мне нравился, и я не переставал его разглядывать. Мне нравилось в нем все: и его турецкий халат с сине-красно-желтыми полосами, и его

свежие румяные щеки, обрамленные красивой седой бородой, красивые черные глаза, ласково смотревшие на всех из-под густых бровей. Я видел, что и моему отцу гость нравится, что он от него в восторге. А моя мать смотрела на гостя так, будто он и вовсе не был человеком. Она боялась даже заговорить с ним. Отец предложил гостю устланное мягкими подушками кресло у стола.

Мать вместе с нашей служанкой Рохл занималась приготовлением обеда. Когда пришло время произнести Кидуш, отец и гость заговорили на иврите. Я понимал почти каждое слово из того, что они говорили:

Отец: "Ну?" (это означало: "Не доставит ли вам удовольствие прочесть Кидуш?").

Гость: "Ну-ну!" (что означало: "Лучше бы это сделали вы!").

Отец: "Ну-о?" ("а почему не вы?").

Гость: "О-ну?" ("почему я?").

Отец: "Ай-о!" ("первым должны быть вы!").

Гость: "О-ай!" ("вы — первый!").

Отец: "И-о-ай!" ("я прошу вас сделать это!").

Гость: "Ай-о-и!" ("я прошу вас!").

Отец: "Ай-и-о-ну?" ("почему вы отказываетесь?").

Гость: "Ой-о-и-ну-ну!" ("если вы настаиваете, это сделаю я").

Тут гость взял из рук отца чашу с вином и прочитал Кидуш. Но что это был за Кидуш! Кидуш, какого мы раньше никогда не слышали и никогда больше не услышим. Во-первых, он был произнесен на иврите с его многочисленными "айн". Во-вторых, он был произнесен так, что казалось, будто звуки вылетают не из бороды гостя, а откуда-то из глубин его полосатого турецкого халата. Я тут же подумал о моих товарищах: как бы они посмеялись, сколько бы получили подзатыльников и какое удовольствие им доставил бы Кидуш.

Но я был один, легко овладел собой и задал отцу "Четыре вопроса". Мы все вместе читали Агоду.

Я ликовал оттого, что такой гость есть только у нас и больше ни у кого.

Наш мудрец, который утверждает, что во время еды не следует разговаривать, просто не знает еврейской жизни, да простит он меня за эти слова. Когда еще еврей найдет время поговорить, если не за столом? Особенно за пасхальным, когда есть что сказать до приема пищи и после него. Служанка Рохл принесла воду, и мы омыли руки, после чего произнесли благословения. Мать подала фаршированную рыбу. Отец закатал рукава и завел с гостем долгую беседу на иврите, которую начал с вопроса, принятого при обращении еврея к еврею:

- Как вас зовут?

Гость тут же ответил на иврите:

- Айак Бакар Гасхал Датас Ханох Яассал За'ан Хафаф Татзадз.

Отец с удивлением смотрел на владельца такого длинного имени, и вилка в его руке так и осталась висеть в воздухе. Я закашлялся и наклонился под стол, а мать сказала мне:

- Файвеле, рыбу нужно есть очень осторожно, иначе можно пораниться костью.

На гостя она по-прежнему смотрела с благоговейным страхом. Имя гостя ее поразило, хотя она ничего не поняла. Отец, который все понял, дал ей необходимые пояснения.

- Понимаешь, Айак Бакар — то же самое, что у нас "Алеф-бейс". По-видимому, у них такой обычай давать имена по буквам.

- Алеф-бейс! Алеф-бейс! — повторял гость, и нежная улыбка сияла на его розовых губах, а красивые черные глаза по очереди останавливались на каждом из нас, включая служанку Рохл, и смотрели самым дружеским образом.

После того как отец узнал имя гостя, ему захотелось узнать, из какой же страны он приехал.

Это я понял, услышав названия стран и городов, знакомых мне из географии и из перевода отца, пояснявшего матери каждую фразу на идише.

Мать была совершенно поражена услышанным. То же самое происходило со служанкой Рохл. И неудивительно! Не каждый день к нам приходят люди, проделавшие длинный путь из страны, до которой можно добраться, преодолев семь морей и огромную пустыню. Чтобы только пересечь пустыню, требуется сорок дней и ночей. А когда вы уже вплотную подошли к этой земле, вам необходимо взобраться на гору, вершина которой окутана тучами и покрыта вечным льдом, дуют там страшно холодные ветры и недолго погибнуть! Но если гора успешно преодолена и вы оказались в этой стране, значит, вы попали в страну с названием Эден.

В этой стране много пряностей, специй, трав и очень вкусных фруктов — яблок, груш, апельсинов, винограда, фиников, олив, орехов и фиг самых разных сортов. Дома все деревянные, крыши покрыты серебром, мебель в домах вся из чистого золота (тут гость обвел взглядом наши серебряные бокалы для вина, ложки, вилки и ножи), а бриллианты, жемчуг, изумруды валяются прямо на улицах, и никто даже не думает их собирать, потому что здесь они ничего не стоят. Гость посмотрел на бриллиантовые сережки, которые украшали уши моей матери, и на ее жемчужное ожерелье на шее.

- Ты слышала это? - с сияющим от счастья лицом спросил отец у матери.

- Слышала, — ответила она и нерешительно поинтересовалась: - Почему же они не везут все это сюда? Они могли бы на этом неплохо заработать...

Отец перевел вопрос жены гостю и, к ее радости, тут же сообщил ей ответ:

- Понимаешь, на месте ты можешь выбрать себе все, что хочешь. Но если ты оттуда уезжаешь, то обязан все вернуть. Если же они из тебя хоть что-нибудь вытрясут, с тобой все будет кончено.

- Что ты имеешь в виду? — с ужасом спросила мать.

- Я имею в виду, что они или повесят тебя на дереве, или забьют камнями.

Чем больше историй рассказывал нам гость, тем более волнующими они становились. Когда мы после яблочного пирога дошли до очередного бокала вина, отец спросил гостя, кому принадлежит эта страна и есть ли там царь.

С восторгом отец сразу же перевел ответ гостя:

- Страна эта принадлежит евреям, которые там проживают, — их называют сефардами. Царь у них есть, тоже, конечно, еврей. Зовут его Иосеф бен Иосеф. Он носит меховую шапку и ездит в позолоченной карете с шестеркой горячих лошадей. Когда он входит в синагогу, левиты встречают его, главного священника, песнопениями.

- Так в ваших синагогах есть левиты, которые поют молитвы? - с удивлением спросил отец.

Утвердительный ответ гостя вызвал у него радостную улыбку.

- Что ты об этом думаешь? — спросил он мать. - Наш гость говорит, что у них в стране есть храм со священниками, левитами, органом.

- Хорошо, а алтарь у них есть? - спросила мать, и отец тут же перевел ей ответ:

- Он говорит, что есть и алтарь, и жертвенники, и золотые чаши. Все, чем пользуемся мы, есть в Иерусалиме.

Произнеся эти слова, отец глубоко вздохнул. Глядя на него, вздохнула и мать. Почему они это сделали, я не понял.

Мы все были счастливы и горды от одной только мысли, что есть страна, которой правит еврейский царь, и он является главным священником этой страны, что в этой стране есть левиты, орган и жертвенники. Радостные мысли будто на крыльях понесли меня в эту счастливую еврейскую страну, где все дома из дерева с серебряными крышами, мебель в домах из чистого золота, а бриллиантами и жемчугом устланы улицы. Если бы я оказался там, то знал бы, что делать, знал бы, как спрятать драгоценные камни так, чтобы их из меня не вытрясли.

Я бы, безусловно, привез домой матери дорогие подарки: бриллиантовые серьги и несколько жемчужных ожерелий. Я взглянул на украшения, которые были в ушах и на шее у матери, и почувствовал еще большее желание побывать в этой стране. Я подумал, что сразу же после Пейсаха мог бы отправиться туда с нашим гостем, но, конечно, тайно, так, чтобы ни одна живая душа не знала об этом. Я поговорю с ним, открою ему свое сердце, расскажу ему всю правду и упрошу его взять меня с собой, хотя

бы на очень короткое время. Безусловно, он сделает это, ведь он такой добрый и сердечный человек, смотрит на всех с такой теплотой. Даже на нашу служанку Рохл!

Так я думал. Мне казалось, что наш гость читает мои мысли и его красивые черные глаза говорят мне:

- Держи язык за зубами, мой юный друг. Подождем, когда закончится праздник. Тогда что-нибудь придумаем!

Всю ночь мне снились дивные сны. Я видел пустыню, храм, первосвященника, взбирался на высокую гору. Видел бриллианты и жемчуг, которые росли на деревьях, моих товарищей, сидевших на этих деревьях и струшивавших драгоценности на землю. Бриллианты падали вниз, и я набивал ими карманы. Но, странное дело, сколько я бы их туда ни клал, карманы почему-то не наполнялись! В них все время оставалось свободное место! Я сунул руку в карман и вместо жемчуга и бриллиантов начал доставать оттуда яблоки, груши, апельсины, оливки, финики, орехи, фиги. Это меня очень расстроило, и я заметался в постели. Потом мне приснился храм. Я слушал пение священников, пели левиты и играл орган. Мне хотелось войти в храм, но меня не пускала туда наша служанка Рохл. Я просил ее, плакал, кричал, и все напрасно. Я почувствовал себя совершенно несчастным, опять заметался в постели и проснулся. Я сразу увидел отца и мать в ночной одежде, оба были очень бледные. Отец стоял с печально опущенной головой, а мать от горя заломила руки, ее добрые глаза были полны слез. Я понял — случилось что-то серьезное. Оценить же масштабы случившегося мой детский ум был не в силах.

Дело в том, что наш гость, преодолевший пустыню и семь морей, сбежал, а вместе с ним пропали серебряные бокалы, ложки, ножи и вилки, все украшения моей матери, деньги, которые были в доме, пропала также служанка Рохл!

Острая боль пронзила мою грудь, и не за серебряные бокалы, ложки, ножи и вилки, не за украшения моей матери или деньги и, тем более, не за служанку Рохл, а за счастливую страну, где дороги усеяны бриллиантами, жемчугом, алмазами, за храм со священниками, левитами и органом, за алтарь и жертвенники, за многие другие прекрасные вещи, которые у меня так жестоко отняли!..

Я повернулся лицом к стене и тихо заплакал.

Ī āāāā Ī ēēēēāy Nēi āēīāā

ТАК БЫЛО

Из старых легенд

י.ע. א'תד

I

И остановились в смятении двенадцать колен Израилевых.

Впереди было море.

Дикое, неукротимое, оно бешено рвалось из берегов, швыряя к небу свои гигантские волны, а между ними темная неумолимая бездна смотрела на беглецов своей необъятной пастью.

Сзади наступал враг.

Уже слышалось ржание его коней. От стука копыт дрожала земля. Уже лязг оружия и радостные крики египтян колебали воздух.

И остановились в смятении двенадцать колен Израилевых.

Впереди стояла смерть.

Позади - рабство.

Куда идти?..

II

Выступали вперед вожди старших колен Израиля, вожди Рувима и Иегуды.

Они были вождями еще в Египте. За мудрость, за седые волосы, за умение в одно время служить и своему народу, и фараону их поставили египтяне во главе Израиля.

И они мудро правили своим народом. Они усердно следили за тем, чтобы молодые рабы не ленились на работе; чтобы количество кирпичей возрастало с каждым днем; чтобы выше и выше поднимались к небесам египетские пирамиды; чтобы египтяне с похвалой говорили об израильтянах:

- Они честные, хорошие рабы!..

За усердие, за мудрость, за седые волосы любили их египтяне и боялись иудеи...

Теперь эти мудрые седые вожди выступили вперед и сказали:

- Где бессильны руки, там должен прийти на помощь разум. Когда иссякает смелость молодости, на смену ей выступает мудрость стариков. Внимай же, Израиль!

Жесток фараон. Но неумолимо море! Тяжелы египетские цепи. Но еще тяжелее морские волны! Беспощадна плеть для спины раба. Но еще беспощаднее морские гады!

Выберем же легчайшее. Вступим в переговоры с египтянами...

- Но они все равно перебьют нас, — робко пронеслось в народе.

- Не перебьют! - твердо заявили вожди Рувима и Иегуды. - Мы умолим их подарить нам жизнь. Мы пообещаем загладить прошлое. Мы усердной работой искупим нашу вину. Покорностью и терпением мы купим себе снова доверие египтян. Они не перебьют нас...

И заколебался народ...

III

Вдруг стон пронесся над толпою. Это говорил Моисей.

- Народ мой! — воззвал великий вождь и пророк. - Народ Израиля! Две кары послало небо человеку — смерть и рабство. Смерть прекращает наше существование в одно мгновение. Рабство по капле высасывает жизнь целыми годами.

Смерть безболезненна. Рабство мучительно отнимает у нас каждую секунду.

Что же вы стали так робки перед лицом смерти и хотите спастись от нее в когтях рабства? Скорее в море!

Пусть лучше увидит враг наши трупы, но не увидит нас коленопреклоненными перед собой.

Пусть покроют нас волны, но не покроют позором наши вожди, валяясь у ног врагов и седыми бородами сметая пыль с их сандалий.

В море! И, может быть, свершится чудо... Оно часто совершается для смелых...

IV

И поднял посох над морем Моисей.

И свершилось чудо. Из младшего колена Израиля, из колена Вениаминова, выступили несколько юношей и смело устремились в море.

Свершилось второе чудо. Море с ревом расступилось перед юношами, точно изумляясь их смелости и отступая перед ними.

Юноши шли вперед, ища в волнах защиту от рабства.

Но волны посторонились перед ними, стали стенами вокруг них и, бушуя и пенясь, пели гимн смелости.

Стихия отступила перед безумием храбрости. Стихия сдавалась бешеной воле удальцов.

А юноши шли вперед. Младшие из младших прокладывали народу-рабу путь к свободе.

За ними в хвосте плелись седые и мудрые вожди Рувима и Иегуды.

V

Так было. Так... будет.

"Ñi aõ ñlãäè ðéí", 1912

Í áääèáöë D. Ñíéíéíáíéíã

БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ В САМАРКАНДЕ

Da'ei I'oei fa

Я познакомился с ним в Минводах, на аэродроме, случайно. Мой собеседник Пена Режепов, бывший командир расчета зенитной батареи, Герой Советского Союза, смуглолицый туркмен, с чуть-чуть заметными сединами в висках, левая нога в протезе, оказывается, вот уже тридцать лет после победы ищет своих боевых товарищей, однополчан.

- Вас мне сам Аллах послал! — воскликнул Режепов, когда узнал, что я - самаркандец. - У меня в зенитном расчете кого только не было: и русские, и узбеки, и туркмены. Был среди нас и бухарский еврей. Любил он петь таджикские песни. Пел с душой, красиво. Зенитчики любили его, звали Юсуфчиком. Быть может, потому, что был он моложе всех, ладный, среднего роста крепыш с умными карими глазами, а нос имел ястребиный. Этому Фузайлову, понимаете, я обязан жизнью. После войны всех живых батарейцев разыскал, а он как в воду канул, найти не могу.

- Как это было, расскажите, — попросил я.

- Это было зимой 1944 года, в Польше, под городом Струмень... Как-то в бою моя и соседняя батареи вели огонь прямой наводкой. Представляете, мы подбили шесть фашистских "Тигров", взяли в плен около ста немцев. Надо же случиться беде. Когда закончился бой, я от радости закричал: "Ура, победа!" и пустился в пляс. В этот миг затаившийся среди мертвых немец автоматической очередью сразил мне левую ногу. Я очнулся в госпитале... По рассказам очевидцев, тогда стоявший рядом тот самый Фузайлов не растерялся, быстро крепко перевязал мне ногу выше колена, остановил хлынувший поток крови, на себе отнес в медсанбат... За этот бой мне и командиру соседней батареи Васильеву присвоили Героя... Фузайлов вместо меня начал командовать батареей... Он дошел до Праги... Сейчас мне известно одно: Юсуф Фузайлов до войны жил в одном из районов Самаркандской области... Друг мой, прошу, помогите мне разыскать его!

- Каким образом? - удивленно спросил я.

- Ведь вы писатель! Придумайте что-нибудь!

Не буду перечислять все мои попытки помочь Режепову. И вот я написал очерк с подробным описанием того последнего боя. Очерк назывался "Юсуф Фузайлов, отзовись!" На шестой день после публикации дома зазвонил телефон: "Учитель, это я — ваш бывший студент, председатель колхоза Абдуллаев из Хатирчи! — назвался звонивший. — Поздравляю, ваш герой Юсуф Фузайлов жив, здоров! Он работает у нас в колхозе, замечательный механизатор. Словом, человек что надо. Приезжайте, ждем! До встречи!"

Я на подъем легок. Поехал. Были радушные встречи. К Юсуфу из Ашхабада прилетел его командир Режепов. Я их пригласил к себе в Самарканд.

Знаете, почему я так подробно пишу об этом случае? Потому, что он в корне изменил ритм моей жизни, мое отношение к людям, к сослуживцам, к моим первым учителям, которых, к моему стыду, почти забыл. Теперь я словно путешествовал в свою молодость...

Ко всему еще оказалось, что мы с Юсуфом почти ровесники, разница лишь в один год. Юсуф — еврей, я — таджик. Но мы оба говорим на одном, таджикском, языке. И это еще не все. Выяснилось, что я и Юсуф до войны, правда, в разное время, учились в одном и том же учебном заведении, Таджикском педучилище, у одних и тех же учителей. Литературу преподавал нам таджикский поэт Хабиб Юсуфи, язык — Муаллим Хайдар Хады-заде, а математику и химию — бухарские евреи Шолом Чулпаев и Хаим Рубинов. Рисовать нас учил художник Ягудо Калантаров, худой и высокий, как Дон Кихот, опять же еврей.

Словом, судьба свела меня с Юсуфом вновь. Мы стали друзьями. Вместе ходили в Махаллаи яхудиён, т.е. в квартал "Восток", вместе искали своих учителей, знакомились с учеными, артистами, разными людьми...

Мы решили прежде всего побывать в музее Махаллаи яхудиён, где узнали много интересного из истории возникновения еврейских поселений в Средней Азии.

- По преданиям, - говорил экскурсовод, - евреи пришли в Среднюю Азию почти 1500 лет назад. Поселились они в разных кварталах городов, в дальнейшем объединились, стали жить компактно, землячеством. По другой версии, заселение евреев началось с Бухары в начале XVII века. Вероятно, поэтому здешних евреев стали называть бухарскими. В Самарканд они пришли только в начале второй половины XIX века...

С самого начала возникновения Махаллаи яхудиён в Самарканде была основана "Кнесои Калон" ("Большая синагога"), затем "Кнесои Гумбаз" ("Купольная синагога"), вокруг которой располагалось еще пять синагог. В Махаллаи яхудиён функционировали еврейская школа и еврейский театр, в котором ставили пьесы на еврейско-таджикском языке "Амнун и Тамар", "Аршин мололон" и др. На еврейско-таджикском языке издавались газеты "Рушнои" ("Свет"), "Байроки мехнат" ("Знамя труда"). Много было благого в ту пору.

Местное население города, таджики и узбеки, жили в соседстве с бухарскими евреями в мире и дружбе, поддерживали друг друга. Эта традиция продолжается с давних времен по сей день. Слава Б-гу, — говорю я. Какому Б-гу? - спросите вы.

У нас Б-г один.

В музее нам показали книгу 130-летней давности, которая называется "История Туркестанского края". Там имеется такой любопытный эпизод из жизни бухарских евреев в Самарканде.

"Евреи занимают особый квартал в северо-восточной части города. Здешние евреи не похожи на европейских. Они опрятны в одежде и в жизни, кротки и гостеприимны. При эмирах они были угнетены и ежегодно вносили огромные пошлины за право жить в Самарканде... Евреи торгуют шелком, ситцем и всевозможными товарами... Между ними замечателен их старый аксакал и калонтар с именем пророка Моисей, личность честная и вообще достойная уважения по уму и влиянию на своих единоверцев. Он имеет значительное состояние, большую и красивую семью, несколько домов и садов. Когда в 1868 году шайка кенегесов увезла его и избивала до полусмерти, ...чтобы защитить старика от новых оскорблений, несколько самаркандцев направили ему на голову чалму, убор, запрещенный евреям, и довели до дома. Калонтару теперь 55 лет. В молодости он путешествовал по Западной Европе и Палестине. Построил в Самарканде синагогу и школу, а потому, надо полагать, некоторые называют его раввином. Хотя, по-нашему, он просто аксакал".

Постепенно нам удалось собрать интересные сведения о некоторых представителях Махаллаи яхудиён.

У бухарских евреев было немало поэтов, прозаиков и драматургов. Некоторые из них жили и творили в Самарканде, в Махаллаи яхудиён: М.Бачаев (псевдоним Мухиб), Яхиэл Акилов, Эммануэл Фузайлов, Хаим Элиазар, Якуб Хаимов, М. Хахамов, Юнотан Кураев (псевдоним Коргар) и др.

В музее квартала "Восток" сохранились образцы еврейских сказаний, религиозных стихотворений, псалмов, образцы фольклорных текстов, в частности песни о вине. Все эти произведения написаны на еврейско-таджикском жаргоне, но буквами еврейского письма. Примером может служить стихотворение поэта и общественного деятеля Якуба Калантарова "Газель о женщине".

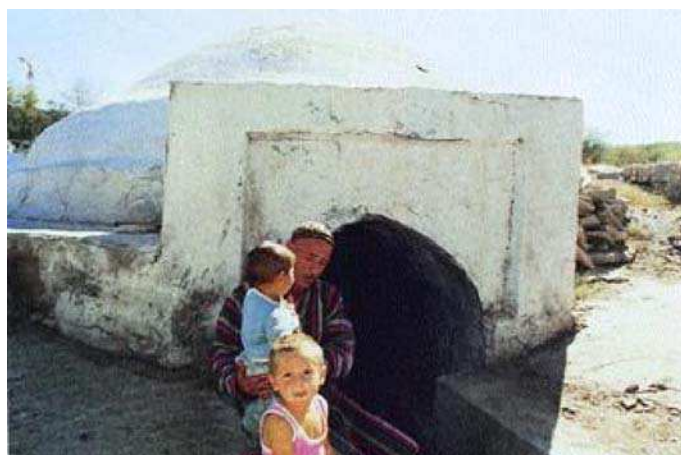
Среди музыкантов, певцов, композиторов, деятелей театрального искусства Узбекистана и Таджикистана незаурядными способностями выделились многие бухарские евреи: Левича Бабаханов — народный певец, один из первых исполнителей узбекских и таджикских классических песен; Гавриэл Моллокандов — народный певец Узбекистана, исполнитель еврейских, узбекских, таджикских и азербайджанских классических и современных песен; Исахор Акилов — народный артист Узбекистана, исполнитель и постановщик еврейских, узбекских и таджикских танцев; Манас Левиев — композитор, автор Государственного гимна Таджикистана, создатель замечательной узбекской сатирической оперы "Проделки Майсары", народный артист Узбекистана, лауреат Государственной премии; Берта Давыдова — народная артистка Узбекистана, исполнительница классических песенных мотивов "Шашмаком"; Мухаббат Шамаева — соловей современной узбекской эстрады, народная артистка Узбекистана, часто гастролирующая со своим ансамблем в Израиле.

Нельзя не упомянуть о вкладе бухарской еврейской интеллигенции в развитие различных отраслей гуманитарных и естественных наук. Это особенно проявилось в течение 20—30 лет послевоенного периода, когда к усилиям ученых бухарских евреев прибавилась деятельность евреев, эвакуированных в годы Отечественной войны из

центральных районов страны. К ним относятся: Исаак Самуилович Куклес, член-корреспондент АН Узбекистана, доктор физико-математических наук, автор ряда научных разработок по механике, заведующий кафедрой Самаркандского университета; Марк Арнольдович Риш, заслуженный деятель науки Узбекистана, доктор биологических наук, заведующий кафедрой того же университета; Яков Иосифович Зунделевич, ученик поэта Валерия Брюсова, профессор, наставник целой плеяды докторов и кандидатов наук, автор фундаментальной монографии о творчестве Ф.М. Достоевского, который, как известно, не очень благоволил к евреям; Давид Натанович Лев, заведующий кафедрой университета, ученый-археолог, открывший стоянки первобытного человека в окрестностях Самарканда, в селении Аманкутана. Это и Натан Мурадович Маллаев, заслуженный деятель науки Узбекистана, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Ташкентского Государственного педагогического университета имени Низами, автор ряда монографий по фольклору и истории литературы, создатель стабильного учебника "История узбекской литературы" (I том, с древнейших времен по XV век включительно) для вузов, по сей день остающегося настольной книгой студентов, преподавателей, ученых-востоковедов. И Менаше Мишаэлович Абрамов, выходец из Махаллаи яхудиён Самарканда, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народов Узбекистана, автор брошюры "История махаллы и гузаров города Самарканда", исследователь истории эпохи Тимуридов и еврейских поселений в Средней Азии.

Всех не перечислить. Из деятелей медицины нельзя не назвать Илью Абовича Кусаева, одного из старейших работников Самаркандского Государственного медицинского института, кандидата медицинских наук, который славился как врач — диагност высшего класса...

Всякий раз, когда Фузайлов приезжал из своего района, мы ходили в Махаллаи яхудиён, чтобы ближе познакомиться с ее жителями и участвовать в мероприятиях, проводимых Домом культуры. Вот несколько эпизодов как результат наших походов.

Юбилей поэта

Среди бухарских евреев большой популярностью пользовался поэт Юнотан Иосиф-Хаимович Кураев. Своим творчеством он словно ворвался в литературную жизнь республики. По праву его считали полномочным представителем еврейства в многонациональном Союзе писателей.

Я был знаком с ним давно, еще до войны. Правда, заочно. Тогда он редактировал литературный журнал бухарских евреев "Адабиёти совети" ("Советская литература"). В этом журнале печатались и мои первые таджикские стихи. Затем мы стали писать друг другу письма. Наше сотрудничество продолжалось много лет, но встретился я с ним, известным поэтом, лишь в 1979 году на его юбилейном вечере в Доме культуры. Я пришел не один, а с Юсуфом. Огромный зал был переполнен. Кураева из Ташкента сопровождала группа писателей, в том числе профессор Натан Маллаев. Поэт Самариддин Сирожиддинов огласил приветствие юбиляру Союза писателей. Слово о творчестве Кураева произнес Натан Маллаев. Он сообщил, что Юнотан Иосиф-Хаимович Кураев родился в 1908 году в Самарканде, в семье рабочего. Трудовую деятельность начал и сам как рабочий, наборщиком типографии при газете "Рушной". В 1930 году он переезжает в Ташкент, где через год состоялось его знакомство с великим поэтом Востока Абулкасымом Лахути. По совету последнего молодой поэт начинает публиковать свои стихи и поэмы под псевдонимом Коргар, что означает "рабочий".

Поэзия Кураева-Коргара многогранна и по форме, и по содержанию. Он постоянно пишет на темы злобы дня. Его произведения привлекают внимание широкого круга читателей, не только бухарских евреев, но и таджиков, узбеков, русских. Из 20 его книг наиболее значительными являются: сборники стихов "Меваи инкилоб" ("Плоды революции"), "Байроки зафар" ("Знамя победы"), "Хаёти нек" ("Счастливая жизнь"), "Озод Ватаним бор" (на узбекском языке), поэмы "Десять лет", "Депутат", "Кахрамони" ("Героизм") и др. Подборки стихов Кураева часто появляются на страницах журналов "Шарк юлдузи" и "Звезда Востока".

Кураев-Коргар плодотворно трудился и как переводчик, и как публицист. Он познакомил еврейских читателей с произведениями таких поэтов, как Пушкин и Хамза. Редакция кураевского журнала сплотила целую плеяду молодых поэтов и прозаиков, пишущих на еврейско-таджикском языке.

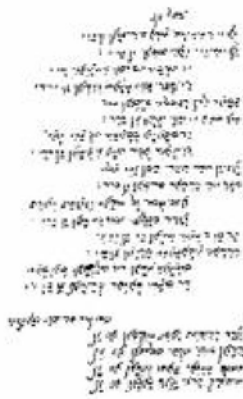
Профессор Маллаев закончил свое выступление словами:

- Вот перед нами сидит семидесятилетний, но духом молодой поэт. Он и сейчас продолжает неустанно трудиться. Если не ошибаюсь, наш юбиляр задумал написать новую поэму, "Барно и Хаят", из жизни соплеменного народа. Давайте же пожелаем ему крепкого здоровья, а себе удовольствия прочесть его новые стихи...

В зале гремели аплодисменты. Выступали друзья поэта, почитатели его таланта, вручали цветы, подарки. Кураев поблагодарил всех за радушный прием и теплые слова, читал свои новые стихи...

На этом вечере мне повезло вдвойне. Я ближе познакомил своего друга Юсуфа с еврейской литературой и рассказал собравшимся о своем многолетнем знакомстве с известным поэтом. После официальной части мы с Юсуфом наконец встретились с нашими первыми учителями. Я не верил своим глазам, когда увидел лица направлявшихся сквозь толпу в нашу сторону седоволосого, но все еще подвижного Рубинова в огромных очках и спокойного худого, щупленького Чулпаева. Мы обнимались, со слезами на глазах вспоминали годы, проведенные в училище. Оказывается, Рубинов с первых дней до конца войны был на фронте, уже не работает, на пенсии. Один из его сыновей уехал с семьей в Израиль, второй — предприниматель, живет вместе с ним. Чулпаев похоронил жену и брата, второй брат уехал в Америку, а он не может оставить Самарканд, где похоронены его предки. По-прежнему преподает математику в том же училище. Одни уезжают, другие остаются у родных могил.

...Юбилейные торжества поэта Кураева-Коргара — маленький эпизод из жизни бухарских евреев Самарканда. Дочь Кураева Софья и его сыновья Илья и Григорий живут в Ташкенте. Внучка, дочь Софьи Марина, филолог-педагог, кандидат наук, преподает в гимназии в подмосковном Бутове. От Кураева-Коргара (он скончался в 1985 году) остался богатый архив, много рукописей. Большой интерес представляет до сих пор неопубликованная большая поэма из жизни бухарских евреев "Барно и Хаят"...

Текст стихотворения “Газель о женщине”.

Улица имени Гавриэла Моллокандова

Возвращаясь домой, мы с Юсуфом с улицы Толмасова повернули на улицу Моллокандова. Юсуф вдруг остановился и спросил:

- Скажи, Рахим, кто такие Толмасов и Моллокандов?

- Эх, мой дорогой Юсуфчик, какой же ты бухарский еврей, если не знаешь своих прославленных певцов? — ответил я.

- Помоги невежде, - улыбнулся он.

И тут я невольно вспомнил день своей свадьбы. Ведь я с великим певцом Моллокандовым познакомился именно на ней. То было в 1948 году. Когда я пришел к моему старому знакомому Рафаэль-ака Ильясову, чтобы пригласить его на свадьбу, он обрадовался, поздравил меня, затем спрашивает:

- А музыка будет?

- Откуда, где ее взять?

- Как это так, свадьба без музыки?!

- Это бедному аспиранту не по карману.

- Тогда музыку я беру на себя, не подведу, - пообещал он.

Свадьба состоялась в Старом городе, в доме моих родителей. Собрались родные, друзья, коллеги по работе... Тут смотрю, в сопровождении Ильясова в дом входит высокого роста красивый мужчина с ансамблем. Это был Гавриэл Моллокандов

со своими сыновьями. Веселье продолжалось до поздней ночи. Моллокандов пел и играл на таре (сазе). Его старший сын Нисон нажимал на клавиши гармонии, а младший, еще совсем мальчишка, Илья, ловко аккомпанировал на дойре (бубне). И стар и млад танцевали...

Вот так началась моя дружба с прекрасным артистом Гавриэлом Моллокандовым.

В Узбекистане жили и творили десятки замечательных музыкантов и певцов: Хожи Абдул Азиз, Домулло Халим, Мулло Туйчи, Кори Якуб, Карим Зокир, Боборахим Мирзоев и др. Однако по своему мастерству, манере исполнения Моллокандов занимал особое место. Выходец из Махаллаи яхудиён Гавриэл с малых лет увлекался музыкой, пел. Он любил часами слушать классическую песню в исполнении Хожи Абдул Азиза и Левича (Леви Бабаханова). Постепенно он и сам стал петь и сочинять музыку. Позже Моллокандов создал своеобразный семейный ансамбль. У него в семье пели, играли на разных инструментах почти все. Сам Гавриэл умел сочетать лучшие традиции классического пения с традициями современного музыкального искусства. Моллокандов с уважением относился к искусству своих предшественников. Он говорил:

- Всем известно, что в конце XIX — начале XX века деятельность бухарских евреев в области искусства и культуры развивалась созвучно и слаженно с искусством и культурой узбекского и таджикского народов. Я, и не только я, даже такие известные деятели искусства, как Толмас, играть на инструментах и петь научились у великих мастеров Хожи Абдул Азиза и Домулло Халима, а также у еврейских корифеев Леви Бабаханова, Яхудо (бубниста), Мордехая (танбуриста), Юсуфи-гурга и др.

Искусство Моллокандова день за днем все больше сближало нас. Гавриэла пел, а я заботился о пополнении его репертуара новыми текстами, большей частью из произведений узбекских и таджикских поэтов-классиков. Моллокандов был талантом уникальным, признанным народом. В общении с людьми он всегда был прост. Очень любил молодежь, пел для нее с радостью. Помню, однажды студенты пригласили его на свой вечер, и он пел без перерыва два часа. Молодежь просила, требовала петь еще и еще. И он, довольный, пел. На республиканских конкурсах Моллокандов занимал всегда почетные призовые места. Его семейный ансамбль, можно сказать, кочевал из колхоза в колхоз, из одного клуба в другой. Недаром ему было присвоено почетное звание народного певца Узбекистана. А еще правительство увековечило его память, назвав улицу в Самарканде именем Гавриэла Моллокандова. И я горжусь, что был близко знаком с ним, благороднейшим человеком и выдающимся актером. Такие евреи, как он, могут быть красой и гордостью любого народа.

Консилиум

Консилиум, о котором я собираюсь рассказать, был собран по поводу болезни моего учителя, писателя с мировым именем, первого президента АН Таджикистана Садриддина Айни, проживавшего в Самарканде. В свои 73 года Айни был еще бодр, ежедневно трудился с раннего утра до вечера, стремясь завершить свой четырехтомный капитальный труд — автобиографический роман "Бухара". Неожиданно он плохо себя почувствовал, и лечащий его врач доцент Азиз Кудратович Адылов решил пригласить светил-эскулапов. Из душанбинской правительственной клиники прилетел известный невропатолог. Из самаркандских врачей были приглашены доктор Цибульский, профессор Самибев, онколог Шарипов, хирург Левин.

- А Илью Абовича забыли? - спросил Айни.

- Кусаева?

- Да! Пригласите обязательно! Он всегда внушал мне больше доверия, чем кто-нибудь другой...

Консилиум состоялся. Болезнь была признана результатом длительного утомления. Нужны отдых и лечение в Карловых Варах или в санатории Обигарм в Таджикистане. Когда все разошлись, сын Айни Камол спросил отца:

- Отец, почему вы настаивали, чтобы на консилиуме присутствовал доктор Кусаев?

- Сын мой, я в своей долгой жизни видел много врачей. Но таких, как Илья, встречал редко.

- Но он всего лишь кандидат наук?

- Знания не от звания. Да, он не профессор, но для меня он авторитетнее профессора. Это удивительный хахим (лекарь). Великолепный диагност. И сегодня, как ты сам мог убедиться, все участники консилиума согласились с его диагнозом.

Айни был прав. К Илье Абовичу Кусаеву обращаются не только горожане. К нему на прием приезжают больные из далеких кишлаков...

Этот случай натолкнул меня на мысль при необходимости обратиться к этому мудрому лекарю.

Однажды прихожу с работы, жена в слезах. "В чем дело?" — спрашиваю я. "Второй день ребенок ничего не ест, заболел". Пригласили Илью Абовича. Пришел, осмотрел, справился о том, о сем и сказал:

- Ваш мальчик совершенно здоров. Дай Б-г каждому ребенку такое здоровье.

- Но как? — говорит моя жена. - Ведь он ничего не ест.

Илья Абович:

- Неужели?

Жена:

- Пьет только молоко.

Илья Абович:

- Примерно два литра, не больше? - доктор засмеялся. - Попробуйте выпить столько молока и посмотрим, захотите ли вы после этого есть.

В другой раз утром пришел ко мне расстроенный отец:

- Рахимджан, беда! Наш зять Мордонкул умирает. Месяц пролежал в инфекционной больнице, ничего не обнаружили, выписали. А он не может ни сесть, ни встать, плачет, жалуется на невыносимые боли в печени...

Что делать? Еду за Кусаевым. Илья Абович долго расспрашивал больного, тщательно его осматривал, щупал, пальпировал и наконец заявил:

- Состояние больного тяжелое. Я терапевт, а тут, как мне кажется, нужен хирург. Везите больного в городскую больницу, сегодня там дежурит ваш приятель профессор Расулев.

Привез. Больного сразу взяли на операционный стол. На следующее утро профессор Расулев сообщил:

— Скажите спасибо доктору Кусаеву! Не он, остались бы без зятя.

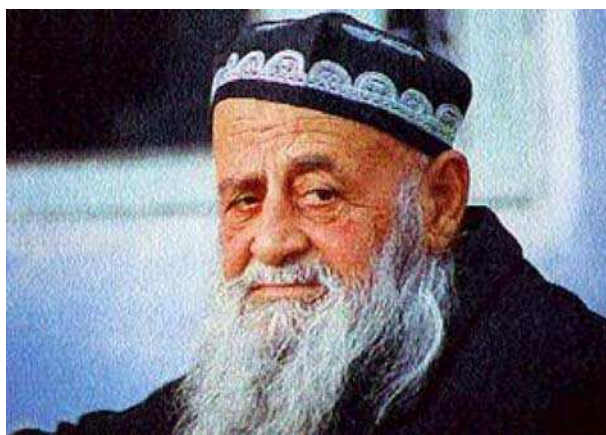
Оказывается, от удара при борьбе самбо у него в левом боку образовалась опасная гематома, требовавшая операционного вмешательства.

Третий случай совершенно уникальный. Заболела моя жена Полина. Температура, озноб. Участковый врач начал лечить ее от простуды. Но улучшения не было. Пришел Илья Абович, осмотрел больную и сказал:

— Мадам, ведь вы в детстве не болели скарлатиной? У Вас скарлатина. Немедленно изолируйте ребенка.

Хорошо, что все обошлось без осложнений.

Проницательным и жизнерадостным запомнил я навсегда моего милого доктора Илью Абовича Кусаева...

У профессора М.М. Абрамова

Юсуф из района привез много фруктов.

— Зачем так много? — спросил я.

— Знай, мы с тобой сегодня пойдем в гости. А в гости с пустыми руками не ходят.

— К кому, если не секрет?

— К одному ученому из бухарских евреев, — он вынул из кармана визитную карточку: Менаше Мишаэлович Абрамов. Доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории народов Узбекистана Самаркандского Госуниверситета имени А.Навои.

Профессор встретил Юсуфа как старого знакомого. Это был шестидесятилетний мужчина невысокого роста с маленькой бородкой и с хитроватым прищуром черных глаз. Поздоровались. Он предложил нам сесть. Молодая лаборантка-узбечка быстро накрыла столик скатертью, на тарелках разложила фрукты: красные яблоки, черный кишмишный виноград, янтарный инжир, груши... Само собой, завязалась беседа.

— Я о вашем героизме читал в газете, — начал профессор, обращаясь к Юсуфу.

— Какой там героизм? Это автор очерка приукрасил, — он кивнул в мою сторону. — Ваш коллега!

— А не скажете, почтенный, откуда такие чудные фрукты?

— Из собственного сада. Бухарские евреи и на такое способны! Ведь я механизатор, живу в районе.

— Значит, я прав в моих выводах. Вот, пожалуйста, послушайте, это в моей брошюре "Евреи в Средней Азии":

"Многовековая история евреев, живущих в Средней Азии, свидетельствует, что они с мусульманскими ремесленниками, крестьянами и деятелями культуры жили в дружбе и согласии... Несмотря на то что евреям официально было запрещено владеть землей, они в содружестве с местными крестьянами занимались земледелием. Их участие особенно бросается в глаза в области виноградарства, садоводства и овощеводства... Во многих районах Средней Азии евреи быстро приспособивались к жизни местного населения, изучали его нравы, обычаи и язык... Они с персоязычными, тюркоязычными людьми легко общались. Евреи и местное население в различных областях культуры легко понимали друг друга, учились друг у друга".

— Безусловно, вы правы, профессор. Это подтверждается жизнью моих односельчан, — поддержал его Юсуф.

— Менаше Мишаэлович, насколько я знаю, вы специалист по истории эпохи тимуридов. Ваша докторская, кажется, на эту тему. Вместе с тем вы много пишете о еврейских поселениях в Средней Азии. Имеется ли тут какая-то связь? — включился в разговор и я.

— А как же, все связано, взаимосвязано! Основатель нашей кафедры истории народов Узбекистана, устоз (учитель) всех самаркандских историков, незабвенный профессор Иван Иванович Умняков был великим ученым, истинным исследователем истории Средней Азии. Мы, его ученики, только продолжаем его традиции. В ряде своих работ Иван Иванович касался этого вопроса. Я лишь несколько шире рассматриваю этот процесс. Мною собран огромный материал относительно появления еврейско-таджикского языка, еврейского фольклора, истории литературы народа с древнейших времен. В этом вопросе мы сотрудничаем с учеными Петербурга, которые не так давно приезжали в Самарканд со специальной экспедицией.

— Это очень интересно! — воскликнул довольный Юсуф.

— Скажите, уважаемый Фузайлов! — профессор опять обратился к Юсуфу. — Как живут там, в Хатирчинском районе, бухарские евреи?

— Как все, неплохо! Работают. Кто портным, кто в сфере торговли, кто виноделия. А такие, как я и мои сыновья, крестьянством, в поле.

— Как, по-вашему, все уедут в Израиль?

— Не все! Желающим, пожалуйста, ныне нет никаких препятствий.

— Все-таки уезжают же, почему? Разве им здесь, в Узбекистане, плохо?

— Нет, не плохо! Уезжают, по-моему, потому что пожилых евреев тянет обетованная земля. Зов предков. А молодым интересно увидеть своими глазами вновь возродившееся из праха еврейское государство Израиль.

— Я тоже такого мнения. Это естественный исторический процесс, — говорю я. — Однако отношения евреев с узбекским и таджикским народами по-прежнему остаются дружескими. Проводимый в эти дни в Ташкенте Международный фестиваль молодежных театров — одно из подтверждений моих слов.

Я открыл перед моими собеседниками номер газеты "Узбекистон адабиёти ва санъати" ("Литература и искусство Узбекистана") от 20 ноября 1998 года и прочитал вслух:

« — Символом фестиваля не случайно избрана Ласточка, — говорил министр культуры Узбекистана Хайрулла Джураев. — Пусть полет птицы свободы и изящества начнется отсюда — из прекрасного города Ташкента.

Участников фестиваля приветствовал чрезвычайный и полномочный посол Государства Израиль в Республике Узбекистан господин Ноах Гал-Гендлер:

— Проведение всемирного фестиваля искусств на узбекской земле означает, во-первых, уважение народа Израиля к узбекскому искусству. Во-вторых, оно свидетельствует о важности взаимных культурных связей. Я от имени народа Израиля, от имени деятелей культуры хочу выразить свою благодарность организаторам этого мероприятия. Узбекские братья! У вас имеются прекрасные театры. Вы можете гордиться этим...

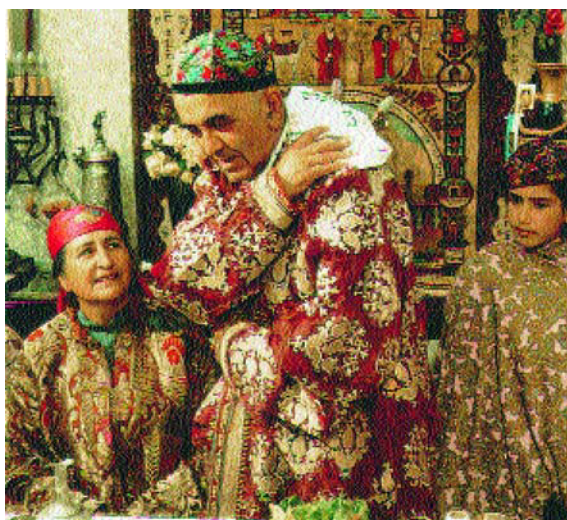
Возникает вопрос: почему в фестивале принимают участие только деятели искусства Израиля? Дело в том, что вначале руководитель Узбекского театра юных зрителей Н.Абдурахманов, который вернулся из Израиля с прекрасными впечатлениями, планировал организовать гастроли молодежного театра Израиля в Ташкенте. Затем эта идея превратилась в идею проведения Международного фестиваля молодежных театров. Инициативу поддержали художественный руководитель молодежного театра имени Ахунбабаева Алимжан Салимов, руководитель Каракалпакского театра юных зрителей Райхан Сапарова, а также коллективы ташкентского, андижанского, ферганского театров юных зрителей.

— Я уверен, — говорит Н. Абдурахманов, — что Ташкент, как и Париж, превратится в центр мирового театрального искусства. У нас есть высокого класса режиссеры, актеры, драматурги...

В дни фестиваля будут показаны четыре спектакля трех израильских театров. Узбекские театры покажут пять спектаклей. В работе фестиваля принимают участие дочери всемирно известного режиссера Соломона Михайловича Михоэlsa, который в годы Великой Отечественной войны гастролировал со своим театром в Ташкенте и других городах Узбекистана, — Наталья и Нина.

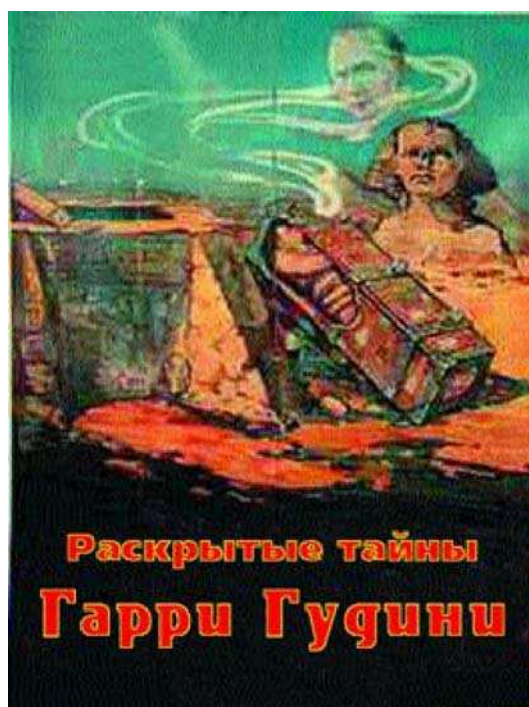
Нина Соломоновна Михоэls, профессор театральной школы Бейт-Цви, и Наталья Соломоновна, автор книги “Мой отец Соломон Михоэls”, встретились со студентами Института искусств имени Маннона Уйгура...»

***

Свою статью о бухарских евреях в Самарканде я начал с рассказа о поисках храброго бойца — наводчика зенитной батареи еврея Юсуфа Фузайлова и его встречи со своим славным командиром Героем Советского Союза Пеней Режеповым. Мы вместе с Юсуфом, можно сказать, совершили экскурсию в историю и современную жизнь самаркандских бухарских евреев. Свой рассказ я хочу завершить словами благодарности судьбе, которая приобщила меня к замечательным людям, среди которых много евреев: это мои учителя, мои друзья, мои знакомые. Я убежден, что евреи — это люди, пережившие невероятные страдания, лишения, но не сломившиеся. Люди, продолжающие жить и творить вместе с другими народами и народностями, не зная вражды, злобы и корысти.

ЛЕХАИМ МАРТ 1999 НИСАН 5759 — 3 (83)

Аאאאעעעע נעוודי

Рут Брендон, биограф Гарри Гудини, утверждала, что фокусы и трюки лежат в самом корне еврейской истории. Однако ей вряд ли удалось бы убедить старых евреев, посвятивших себя изучению Талмуда, что библейские чудеса были всего лишь трюками.

Например, каждый иудей уверен, что превращение Моисеем жезла в змею было чудом, совершить которое он смог только с помощью Б-га. И лишь Маймонид оказался бы на стороне Рут Брендон: по его мнению, "чудеса, о которых говорится в Торе, это ловкость рук, и верят в них глупые, невежественные люди".

Лежат ли в основе истории евреев фокусы — вопрос спорный. Но то, что лучшими фокусниками в мире являются евреи, не оставляет сомнений. Вклад евреев в развитие этого искусства можно проследить с 1700 года, когда фокусы уже начали считаться распространенным видом театрального искусства. Знаменитый фокусник XVIII века Яков Филадельфия родился в религиозной еврейской семье. Не менее знаменитый фокусник Гарри Гудини — сын раввина Меира Самуэля Вайса.

Один из энтузиастов циркового искусства наткнулся в довоенной Венгрии на хранившиеся в старой будапештской синагоге документы, пролившие свет на тайну происхождения Гудини. Из них явствует, что 24 марта 1874 года в Будапеште у еврейских родителей родился сын Эрик Вайс.

Музей Гудини.

Отцу хотелось, чтобы сын пошел по его стопам, но Эрик предпочел другую карьеру и сделался талантливым фокусником. Мальчику было два года, когда семья переселилась на Средний Запад США. Подростком Эрик уже проявлял желание стать актером, но Меир Самуэль Вайс, раввин города Эплтон штата Висконсин, крайне отрицательно относился к этой перспективе. Вечное беспокойство о сыне подорвало здоровье раввина. Двенадцатилетнего Эрика призвали к постели умирающего отца и заставили поклясться на Торе, что он всегда будет заботиться о матери. По сути дела, в такой клятве не было необходимости: сын горячо любил мать.

Гудини с матерью Цецилией и женой Бесс.

В 20-летнем возрасте после недельного знакомства Эрик женился на 16-летней Бесс Ранер, с которой стал совершать многочисленные туры по миру. Они называли себя "супруги Гудини" (к этому псевдониму Эрик обратился, отдавая дань памяти французского фокусника Роберта Гудэна), имя Гарри явилось американизированной формой его имени Арье. Так сын раввина Эрик Вайс превратился в Гарри Гудини, царя оков, короля карточных фокусов, маэстро-иллюзиониста.

Гудини был не просто иллюзионистом — он выполнял номера, требовавшие огромной физической силы, поразительной выносливости и ловкости. Он позволял связывать себя любыми путями, даже надевать на себя наручники — и всегда высвобождался. Тысячные аудитории неистовствовали, пока он, скрытый в ящике, за ширмами, развязывал ремни, освобождаясь от капканов. Говорят, когда ему удавалось сделать это слишком быстро, он, чтобы продлить у публики напряжение, довести его до предела, сидел за ширмой и читал журнал, затем появлялся, отдуваясь и тяжело дыша, как человек, одержавший трудную победу.

В одной еврейской энциклопедии выдвигается гипотеза, что Гудини подстегивало вечное желание доказать, что евреи ничем не хуже, а во многом и лучше людей других национальностей. Он стремился сохранять отличную физическую форму,

чтобы демонстрировать миру способность евреев достигать вершин не только в сфере интеллекта, но и там, где требуются мускулы.

Гудини на гастролях в России.

Сам Гудини не связывал себя открыто с иудейской религией. Он никогда не отрекался от нее, но и не превозносил ее. Сомнительно, чтобы он положил в основу всей своей жизни желание доказать, что евреи сильны во всем, за что бы ни брались. Скорее всего, его связи с иудаизмом были подсознательными.

За время своей артистической деятельности Гудини собрал весьма значительное состояние. Будучи богатым человеком, он постоянно занимался благотворительностью. Однажды, когда он выходил из театра, какой-то старый человек бросился к нему со словами благодарности, хотел его обнять. Гудини спросил, почему он это делает, и старик ответил: "Как, разве вы не знаете меня? Ведь вы вот уже семь лет оплачиваете мою квартиру!"

Один из биографов Гудини отмечает, что делать добро его учили с детства. Кстати, большую часть своих заработков он отсылал матери.

К 1918 году Гудини приобрел всемирную славу. К этому времени у него возникла идея основать "Театральное общество детей раввинов". Членами эксклюзивного клуба могли стать сыновья раввинов или еврейские ученые. Президентом клуба был сам Гудини, а второй и третий командные посты занимали Эл Джонсон и Ирвинг Берлин. Гудини был единственным раввинским сыном, выбравшим театральную карьеру. Детями раввинов были и Джордж Гершвин, основатели кинокомпании "Уорнер бразерс" братья Уорнер и Фанни Брайс.

Гудини с Артуром Конан Дойлом.

Гудини был другом американского президента Теодора Рузвельта, принимал у себя особ королевской крови. Он первый совершил полет в небе Австралии. У него была лучшая в Америке театральная библиотека. Наконец, он стал пионером в мире кино — продюсером, актером и сценаристом.

Умер Гудини в 1926 году. За неделю до этого у него был острый приступ аппендицита. Полагают, что болезнь возникла после того как один из зрителей, студент, ударил его в живот, отчего у него лопнул аппендикс. Артист утверждал, что ему не страшны никакие удары в живот, и предложил студенту убедиться в этом. Травма ноги и боль в почке не позволили ему в достаточной мере напрячь мускулатуру и выдержать роковой удар.

Гудини с Теодором Рузвельтом

Легенда о Гарри Гудини жива по сей день, что, собственно говоря, и неудивительно. Он ни перед чем не останавливался, стремясь привлечь к себе внимание публики.

Гудини рисковал жизнью во имя циркового искусства, но ведь цирк и был его жизнью. Поэтому, — заключает Рут Брендон, — эволюция, которую прошел этот человек, ставший из сына раввина артистом водевиля в Америке в прошлом веке, не столь удивительна, как это может показаться на первый взгляд.

На столе стояла литровая бутылка коньяка. К ней почти никто не притрагивался, кроме него. Но чем больше он пил, тем становился обходительнее и занимательнее. Хмель его не брал. Это приводило Гамзатова в почтительное изумление. За столом причудливо переплетались воспоминания об актерах и поэтах, анекдотические случаи и забавные истории, связанные с их именами. То и дело заразительно звучало его раскатистое "хо-хо-хо-хо!" И казалось, что люстра раскачивалась от этого литаврового смеха. Уж не помню, к чему Гамзатов поведал о недавнем застольном происшествии, когда трехзвездный генерал из Генштаба приехал инспектировать особый полк. Утром за завтраком в столовой комсостава он спросил:

— Кто из офицеров пьет водку до обеда?

Признался лишь один капитан:

— Я, товарищ генерал!

— Прекрасно! Ему и мне подать водку, остальным чай!

И вновь мне показалось, что люстра захмелела.

— Ценю находчивость! — одобрительно осушил рюмку Ливанов и стал рассказывать, как бы разыгрывая сцену:

— Знаменитый комический актер Александр Евстафьевич Мартынов за свою находчивость тыщу рублей прибавки к жалованью получил. Николай I, на что человек был серьезный, а увлекался его игрой. Специально в театр для этого ездил. Однажды император в знак особой благосклонности во время антракта вызвал Мартынова в свою ложу:

— Славно ты меня нынче распотешил, славно. А знаешь, Мартынов, стало мне известно, что в компаниях ты неоднократно изображал меня. А ну, сделай милость, представь, представь.

В ложе находился и министр двора князь Волконский. Мартынов вдохновился, отступил на шаг, величаво вскинул голову и, заложив руку за спину, как нередко делал царь, приказал властным голосом:

— Волконский, прибавь к жалованью Мартынову тыщу рублей.

Все разыгрывалось в лицах, и мы покатывались со смеху. А Борис Николаевич уже не мог опустить занавес:

— И если Мартынов был великий талант, — продолжал он, — то, в противоположность ему, актер Толченев слыл личностью бездарной. Играл он преимущественно злодеев. Ростом был с меня, но потучнее. И, в отличие от меня, имел в Царском Селе дом и землю, на которой разводил породистых свиней. Шла драма "Кориолан" в Александрийском театре. Толченев играл императора Юстиниана, и вдруг подают ему депешу, что свиньи его, как чумные, разбежались. Директор Гедеонов сидел в своей ложе, когда во время антракта вбежал Толченев в августейшем облачении и в полном отчаянье. Сообщив о своей трагедии, он стал просить Гедеонова немедленно его кем-нибудь заменить. А тот в ответ:

— Да ты, любезный, спятил. Да какого другого борова я могу выпустить на сцену, коли все твои разбежались?!

Нам было весело и хорошо. А со стены на нас смотрели "Лев" и "Белая корова", созданные кистью Пиросмани. Художник Д. Шмаинов как-то сказал о "Белой корове": "Это самая женственная корова".

Ливанов наполнил бокал:

— За жизнь! Прав Михоэлс, жизнь всегда старше смерти, хотя бы на одну человеческую жизнь! Ты, Иракий, был близок с ним. Ведь это он был режиссером твоих прекрасных устных рассказов.

— Это так. Познакомились мы с Михоэлсом в 1935 году в Пименовском переулке, где в подвальчике размещался тогда Московский клуб мастеров искусств. Соломон Михайлович вместе с женой своей Анастасией Павловной пришел на мой вечер. Я был так польщен его появлением, что мысленно посвятил ему все свое выступление. Потом волею судьбы мы встречались с ним при разных обстоятельствах, то в присутствии Алексея Толстого, обожавшего Соломона Михайловича, то в компании Александра Фадеева, для которого, как он сам признавался, авторитет Михоэлса в искусстве был непререкаем, то в доме академика Капицы, то у Ивана Семеновича Козловского. Все тянулись к Соломону Михайловичу, искали общения с ним. Его суждения о театре, литературе, истории были глубокими, пронизательными и оставляли яркое впечатление. Леонид Леонов считал, что даже когда Михоэлс играет на сцене еврейского театра, его понимает весь разноплеменный мир.

— Я сам могу это засвидетельствовать, — отозвался Ливанов. — И не только, когда он играл короля Лира, но и Вениамина III или Тевье.

— Началась война, — продолжал Андроников, — Москва была в затемнении. На нее падали бомбы. Слышался гром зенитных орудий. Помнится, в августе после дежурства на крыше я встретил Соломона Михайловича. Он тоже возвращался с поста ПВО после бомбежки: "О, вы настоящий брандмайор. Непременно заходите ко мне, буду рад вас видеть". Так начались "мои университеты" в доме Соломона Михайловича. Он стал как бы постановщиком, режиссером моих импровизаций. Никто не дал мне столько добрых, бесценных советов, как он. "Вот так-то, брат Иракий, — говаривал Михоэлс, — благословляю тебя. Преисполнись и примени". А я отвечал: "Батюшка, Михалыч,

спасибо, что просветил, кормилец!" После войны он устроил мой вечер в своем театре и произнес вступительное слово, искрясь добротой и благожелательностью.

И вдруг оленьи глаза Андроникова повлажнели. Он что-то еще хотел сказать, но только вздохнул и опустил голову. Это было совсем не свойственно ему, человеку словоохотливому и никогда не терявшему присутствия духа.

Ливанов все понял:

— Эренбург не преувеличивал, когда на похоронах Михоэлса произнес: "Еврейский народ в войне потерял шесть миллионов человек. Михоэлс — седьмой миллион".

Вскоре к нам вернулась радость застолья, завещанная нам Михоэлсом.

Вспомнили Самуила Яковлевича Маршака. Ливанов предложил за него тост и обратился к хозяину дома:

— Ираклий, сыграй нам Маршака.

Изображать Маршака было коньком Андроникова. Каждый раз он вносил новые нюансы в его образ.

И опять предстал перед нами Самуил Яковлевич бесподобно скопированным. Андроников передавал не только интонацию его голоса, но и в шаржированном виде черты характера Маршака, его заслуженную непререкаемость в суждениях о литературе, некоторую самовлюбленность, детскую обидчивость и выразительность языка.

Как-то я должен был ехать к Маршаку на улицу Чкалова. А находился я в то время в писательском

Союзе, где встретил Андроникова. И вот я звоню Самуилу Яковлевичу и спрашиваю его, не возражает ли он, если я предложу Ираклию Луарсабовичу поехать со мной. И слышу:

— Ни в коем случае, голубчик! Он надо мной потешается, где только ему не лень. И являюсь я публике в дурацком виде. На днях звонят мне из "Известий" и спрашивают, когда можно прислать курьера за статьей, что я для них написал. А я ничего для них не сочинял. Это Андроников позвонил им моим голосом и сказал, что я написал для них статью. Над Алексеем Толстым и Фадеевым он так не шутит. И вы, пожалуйста, приезжайте без этого кавказского разбойника. Лермонтов бы его на дуэль вызвал!

Нет, Андроников любил и уважал Маршака. Просто Самуил Яковлевич никому не давал права подтрунивать над собой. На моей памяти это мог делать в его присутствии только Твардовский.

Когда Андроников, к нашему общему удовольствию, "сыграл" Маршака, Ливанов не преминул его похвалить:

— Какой ты молодец, Ираклий. Как это у тебя все живо получается. Я знаком с Самуилом Яковлевичем, а так сыграть не смог бы. Нет, нет. Вот однажды мы с ним...

И Ливанов сам стал изображать Маршака без репетиций, и предстал перед нами Маршак в новом правдоподобии. И трудно было сказать, чей Маршак лучше.

Ливанов предложил выпить за Ираклия Андроникова, потом обратился к Расулу Гамзатову:

— Прочтите ваши стихи, посвященные Ираклию.

— Пусть прочтет Козловский, он их переводил.

— Читайте, — пробасил мне Ливанов.

И я прочел восемь строк под названием "Автограф на книге, подаренной мной Ираклию Андроникову":

Î îè ñòèèè, èîèü àîî'áááò àîññá
Î ðî:òè, Èðàèèèèè, á àîèãèè èèàò í á ñî ð'òàá
Î î óàè îò Èáðî ïí ò íáá, äðáá
× ò î ÿò ó èí èãá í àí èñáè Áàí çàò í á
Áì ó äðááá èì ÿ í àçí àè;
Òàí'áðî ï í ÿò ù, èèèü á Ñîðç èð ï ðèì óò,
Òù àñáááð í ðááááááááááá, èáè èðááè,
Î ðáá Î óèèèí ùì ñàì èì ñò ùáá í á èì óò.

Гамзатов сказал:

— У меня было: "Ты скажи Лермонтову, что эту книгу написал Давид Кугультинов", но Козловский побоялся, что "друг степей" обидится на мою шутку, и перевел вольно.

Евгения Казимировна вздохнула, глядя, как ее муж осушил очередную рюмку. И не сдержалась:

— Какое пагубное хобби!

На что Борис Николаевич расхохотался:

— Для меня театр — хобби, а выпивка — работа.

И вспомнил их недавнюю размолвку, когда Евгения Казимировна ушла от него:

— Грешен! Но какая это была дивная пора. Я гулял с друзьями. Никто не спрашивал, где я провел ночь. Никто не звал меня к телефону, и я не вздрагивал от звонков.

— Но это кончилось больницей, — с грустью заметила Евгения Казимировна.

— Нет, нет, — загремел он, — я от выпивки никогда не болел.

И поднялся во весь свой исполинский рост. Но было видно, что переживает недовольство жены. Мне стало его жаль, и я ему сказал, что он был душой нынешнего вечера и доставил нам много радости. Борис Николаевич нагнулся ко мне и стеснительно попросил:

— Скажите это моей жене.

Незадолго до смерти он не сошелся характером с Олегом Ефремовым. Для беседы его попросили в "художественную часть" театра. Есть такая. Он чрезвычайно удивился:

— Как это художественное целое можно вызвать в художественную часть?

От Андроникова мы вышли на рассвете. На Пушкинской площади гасли фонари. Со стороны князя Долгорукова, видно, из "Арагви", шла компания друзей и до нас долетело:

Моему дорогому
Якову Козловскому —
благодарному, сильному,
другу.
Ваш
Ираим Андроников
Пока васап, думаю, что
твой
Ираим Андроников

1966
кальк. 18.

ПУРИМ — 5759

И Ленин великий нам путь озарил...

Около 2000 екатеринбургских евреев отметили праздник Пурим в помещении городского театра. К сожалению, не все желающие смогли туда попасть.

Праздник начался с чтения раввином Екатеринбурга и Свердловской области р. Зелигом Ашкенази Мегилас Эстер. Затем труппа театра представила собравшимся "Пуримшпиль", постановку, рассказывающую о событиях, лежащих в основе Пурима.

Еврейский ансамбль подготовил концерт еврейской песни. Празднование нашло отражение в местных средствах массовой информации. Журналисты отметили глобальные изменения, происшедшие в екатеринбургской еврейской общине после приезда в город раввина Ашкенази.

На следующий день состоялось чтение Мегилас Эстер в синагоге, временном здании, переданном общине после 50-летнего отсутствия в городе молельного дома. Расположено оно неподалеку от здания городской администрации, и стоящий там памятник Ленину, как шутят прихожане, указывает дорогу евреям на молитву.

В костромской общине уже не первый раз отмечался этот самый веселый и беззаботный еврейский праздник Пурим.

Год назад к нам на праздник приехали двое молодых людей, ешиве-бохрим; они привезли с собой невиданные вещи: коробочки для цдоки, трещотки и, главное, Мегилас Эстер. К тому времени члены нашей общины уже привыкли к сборам миньяна по субботам, и установилось мнение, что молитва, как и Кидуш, относится исключительно к субботе. А Пурим-5758 выпадал на четверг. В привычное время, в 10.30, собрались люди, надевали тфилин, молились, слушали Мегилу, обменивались шалах монес, подарками друг другу, была, наконец, праздничная трапеза. И, конечно, концерт, спектакль, песни и танцы.

В этом году на Пурим в Кострому приехал раввин Мойше Тамарин. И было практически все то же самое: молитва, Мегилас Эстер, трапеза, представление.

Но на этот раз миньян был, и дважды: на Маарив 1 марта и после полудня 2-го, когда читали Тору, отрывок про Амолека. К Торе первый раз был вызван Давид-Ариэль Ошеров, председатель общины. На трапезе присутствовало очень много людей. И представлений было два: одно давала труппа детей, воспитанников Бат-Шевы Тамариной, а другое — воскресная школа. С большим успехом выступили маленькие воспитанники ребецн, очень трогательные, чуть застенчивые. Немолодые зрители, подопечные Хасдей Цион, не скрывали слез. Участники празднества разошлись только в 10 часов вечера 2-го числа.

Весьма уместными весной явились подарки, овощи и фрукты, доставленные евреям, которые сами по состоянию здоровья не могут приходить в синагогу.

Следует отметить, что без сотрудников и волонтеров Хасдей Цион не было бы ни миньяна, ни трапезы, ни такого количества людей. Они все приготовили, накрыли столы, они же разносили подарки по домам одиноким старикам.

Празднование Пурима было бы, вероятно, невозможным без помощи Федерации еврейских общин СНГ, с которой взаимодействует председатель костромской общины Давид-Ариэль Ошеров.

Øèì ìí Ñèàðæéí ñèèé

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...

Как хорошо, когда могут общаться близкие по духу люди! Как замечательно, когда они при этом получают новые знания! Как здорово, если все это происходит на природе, среди единственно вечной и незыблемой красоты! Устроить такой праздник общения, знания, отдыха для молодых еврейских семей Нижнего Новгорода решило руководство благотворительного фонда поддержки и развития еврейского образования, традиций и культуры "Ор Авнер — Хабад-Любавич НН" во главе с раввином Залманом Иоффе. Как оказалось, это начинание было не напрасным и, несомненно, принесло свои плоды.

Примерно 20 еврейских семей (в полном составе, с маленькими детьми) собрались в январе этого года в курортной зоне Нижнего Новгорода — Зеленом городе в еврейском лагере "Мишпаха".

Название это отнюдь не случайно. Семья, родные, близкие люди, любовь друг к другу — вот незыблемые ценности еврейского менталитета, во многом, к сожалению, разрушенного, но от этого не перестающего быть значимым. Не случайно и в курсе лекций, прочитанных в лагере, много внимания уделялось проблемам взаимоотношений в еврейской семье, нравственным и интимным вопросам, возникающим в семейной жизни. Каждой участнице семинара была подарена книга Рахели Нерии "Счастливая семейная жизнь", изданная Всеизраильским центром ревнителев чистоты семьи. И пусть некоторые положения этой книги женщине, выросшей в России и абсолютно далекой от религиозных устоев еврейской семьи, покажутся неактуальными, сам факт знакомства с традициями, обрядами, законами семейной жизни евреев уже свидетельствует о возникших, пусть очень тоненьких, ниточках, связывающих прошлое и настоящее, религиозное начало и светскую жизнь.

Не менее важным и интересным показалось участникам семинара изучение законов кашруса, тем более что вся жизнь в лагере протекала по определенным религиозным канонам. Пища была только кошерной, за этим следили раввин Залман Иоффе и его помощница, машгиах, совсем юная Рути Гуткина. Перед едой выполняли обряд омовения рук, произносили соответствующее благословение.

О кашрусе рассказывали и сам раввин Залман Иоффе, и приехавший из Москвы раввин синагоги в Отрадном Довид Карпов, и Анна Полина.

Теоретические знания, полученные во время лекционных занятий, реализовывались на практике. Так, Аня Полина учила молодых еврейских женщин готовить по законам кашруса. Это были преимущественно традиционные праздничные блюда: пончики, цимес, халы и т.д. На импровизированной домашней кухне царила удивительная атмосфера. Когда все дружно месили тесто, плели халы, жарили пончики или терли морковь, возникало ощущение тепла и единства. Рядом толклись маленькие члены семей, дети — символ еврейского счастья. Для них было очень важно внести свою лепту в общее замечательное дело. И, разумеется, самыми вкусными в конечном итоге оказались кривоватые пончики, слепленные детскими ручонками. Дегустацию всего приготовленного проводили в залитой светом столовой, за окнами которой таинственно синели великолепные заснеженные ели.

Обстановке уюта и доброжелательности, которые царили в лагере, способствовали и проведенные Яэль Иоффе конкурсы на знание еврейских праздников, законов кашруса, заповедей Торы. В легкой, непринужденной форме игры решалась важная задача — рассказать еврейской молодежи о многом, что обеспечит ей более значительную, плодотворную, интересную жизнь в будущем. Серьезные, почти академические занятия чередовались с разучиванием еврейских песен. Вечера организовывала выпускница Нижегородской консерватории Шифра Вельяминова.

Особый интерес вызвал конкурс на исполнение "Хавы Нагилы". Все его участники разделились с помощью жребия на команды, так что "семейных подрядов" не было. Самую, пожалуй, знаменитую еврейскую песню исполняли в разных стилевых манерах. Друг друга сменяли романс, рэп, детсадовский и военный хоры. И, конечно, не смолкали шутки и смех...

Для многих откровением явилось то, что еврейские женщины не должны танцевать с мужчинами. Поэтому по вечерам в уютной компании (так, с чьей-то легкой руки, стали называть зал, где проводили разные мероприятия) собирались только женщины. Папы в это время учились самостоятельно укладывать детей спать. Мамы же присоединялись к Яэль, Шифре, Рут, Лее, танцующим замечательные, красивые, ритмичные еврейские танцы.

Утром на семинарских занятиях поднимались уже совсем другие вопросы: философские, исторические, религиозные.

Вероятно, наиболее глубокими были лекции раввина Довида Карпова, причем это вовсе не был монолог. Порой занятия превращались в оживленный диспут по главным вопросам человеческого бытия, пониманию философской сущности общечеловеческих ценностей, которые, как правило, пришли в мир из Торы. Высокий профессионализм Довида Карпова, основательные знания, великолепная речь — все это, несомненно, оказывало влияние на аудиторию, заставляло многих задуматься над вопросами, прежде далекими для них, помогало по-новому взглянуть на мир и собственное мировоззрение.

С весьма интересной лекцией о возникновении Государства Израиль выступила на семинаре кандидат филологических наук Наталья Гуткина. Семинарское занятие по азам иврита провела Марина Каган. Программа семинара была настолько насыщенной, что, наверное, только по прошествии определенного времени можно будет оценить всю его значимость и плодотворность.

Во время лекций дети не были заброшены. Они играли, смотрели мультфильмы, слушали библейские истории, учились писать буквы на иврите, рисовали, лепили. С ними занимались уже упомянутая Шифра Вельяминова и две другие девушки — Ора Берент и Лея Виват. К сожалению, все это происходило в помещении.

Заключительным аккордом недельной лагерной симфонии явилась встреча Субботы. Праздничному настроению способствовала даже некоторая суматоха, связанная с подготовкой к ней, когда участницы семинара помогали поварам приготовить еду на два дня. А потом наступило время зажигания свечей — поистине удивительного обряда, который каждый раз пробуждает в любом еврейском сердце (даже нерелигиозном) воспоминания, надежды на благополучие и счастье своей семьи.

Каждая женщина зажигала одну или две свечи, произносила благословение, просила Всевышнего за своих близких, просила об исполнении своих заветных желаний.

Необыкновенно светлое чувство охватило всех, кто стоял у стола с горящими свечами. Встречая Субботу, раввин Залман Иоффе читал молитву, вечные слова Торы, и все пришедшие на эту встречу, даже если это были люди, далекие от веры, в нужные моменты произносили: "Омен". Может быть, в эти часы они стали к ней чуть ближе.

Позднее в зале была праздничная трапеза... И пение еврейских песен, удивительно мелодичных, веселых и печальных.

Торжественно происходило прощание с Субботой. Раввин произносил слова Авдолы, те самые, которые тысячи лет и в тяжелые, и в светлые времена произносили евреи.

Закончился семинар в еврейском семейном лагере "Мишпаха". Не все, наверное, удалось, и не для всех, возможно, были необходимы и интересны проведенные занятия. Но для большинства из них эта неделя не прошла даром. Люди разъехались по домам, согретые любовью и теплом, успевшие подружиться, узнать что-то новое о мире и о самих себе, увидеть какую-то полоску света в этом темном туннеле нашей нынешней нелегкой жизни. А ведь это главное, не правда ли?

Вечер памяти ребецн Хаи-Муси в Петербурге

Я смотрела на свою прослезившуюся маму и думала: "Вот это, наверное, и есть счастье". Счастье, когда дочь поет песни на иврите, хотя я в ее возрасте не знала даже слова "иврит". Счастье, когда мы с мамой можем видеть, как в огромный банкетный зал гостиницы "Москва" вносят множество дополнительных стульев, чтобы усадить всех женщин, пришедших на вечер памяти Хаи-Муси Шнеерсон.

На вечере пел хор девочек из школы "Бейт Сэфер Менахем", танцевали участницы ансамбля "Гилель" и ученицы еврейской школы №224, звучали еврейские мелодии в исполнении молодых музыкантов. С большим успехом выступил вокальный дуэт "Лехаим".

Смотреть и слушать, безусловно, очень интересно, но иногда хочется и самим потанцевать. Такая возможность была предусмотрена для всех желающих: гостья из Израиля преподала им "урок" настоящих еврейских танцев, и трудно передать удовольствие и радость, азарт, с которыми плясали и молодые, и пожилые.

Наконец, на большом экране возникли прекрасные лица еврейских девочек, девушек, женщин, живших давно, и наших современниц. Зрители ощутили неразрывную связь, которая существует между всеми еврейскими женщинами, между собой и теми,

что на экране. На вечере их объединила память о женщине, чье имя было у всех на устах, — Хае-Мусе Шнеерсон, жене седьмого Любавичского Ребе. Из выступлений Сары Певзнер, Риты Кацман, Полины Менделевич присутствующие узнали многое о жизни этой благородной, великодушной и вместе с тем удивительно скромной женщине. Ее стойкость и мужество перед любыми трудностями и невзгодами может служить примером для всех нас.

Пусть память о Хае-Мусе Шнеерсон всегда живет в сердцах еврейских женщин.

יִזְכְּרוּ אֶת אֲמֵנוּ

Друзья!

В журнале "Лехаим" №12(80) за 1998 год вы пишете: «Макашов настолько уверовал в свою непогрешимость и безнаказанность, что вошел в законотворческий раж. В интервью итальянской газете "La Stampa" он выступил за осуществление своей главной идеи: процент евреев в органах власти должен соответствовать их проценту в обществе... Это означает дискриминацию людей по национальному признаку. За этим следуют предложения об "окончательном решении еврейского вопроса"».

Такие рассуждения мне представляются крайне односторонними, а поэтому ошибочными и в нынешних российских условиях чрезвычайно опасными.

Макашов не "уверовал" и не "вошел", а его бандитские высказывания, наоборот, являются следствием его политической позиции: в органах власти должны соблюдаться национальные квоты. И в этом он, безусловно, прав!

Призываю вас подумать вот о чем. Разве не должны в любой стране в тяжелое для нее время стоять у власти представители почти одной только коренной национальности (если, конечно, сам народ не призовет варягов)? Если этого нет, то у людей возникают естественные чувства беспокойства и тревоги: а не преследуют ли те, кто правят ими, свои особые национальные цели, возможно, направленные прямо против них. Можно ли тем представителям нацменьшинств, которые находятся у власти из своих личных интересов: денежных, тщеславия или даже отдавая себя, как им кажется, на общее благо, пренебрегать этими чувствами абсолютного большинства людей? Можно ли, например, представить себе в Израиле нееврейское правительство хотя бы на один день? Думаю, что это было бы по меньшей мере безнравственно.

Что же касается еврейского населения, то деятельность в России непропорционально большого количества евреев-олигархов провоцирует макашовых, фашистское движение и новый Холокост!

Поэтому во имя справедливости, во имя спасения евреев России обращаюсь к олигархам: уйдите из руководства политикой, крупными банками и СМИ. Вспомните предостережение одного из отцов сионизма В. Жаботинского: "Евреи, не выступайте в первых шеренгах!" Пусть в России будут евреи врачи, инженеры, учителя, писатели, художники, артисты, музыканты, но не более того!

Вы опасаетесь, что добровольный уход евреев-олигархов со сцены повлечет за собой цепную реакцию вплоть до "окончательного решения еврейского вопроса". С этим также нельзя согласиться. Любому здравомыслящему человеку ясно, что В. Винокур — это не Б. Березовский, который наверху, возможно, что-то затевает (хотя лично я думаю, что этот энергичный человек был весьма полезен в качестве исполнительного секретаря СНГ). Есть, конечно, люди, которым и большое количество винокуров не по душе, но их меньшинство, и с ними можно бороться гораздо успешнее в нашем более открытом по сравнению с Советским Союзом обществе, в котором был государственный антисемитизм.

Упорные же рассуждения о "дискриминации по национальному признаку" только накаляют обстановку. Вам, в редакции, разве легче оттого, что в Москве безнаказанно беснуются фашисты, зато наверху много "наших"? Я просто боюсь за вас.

